

**Жумагали
Саин**

ИЗБРАННОЕ

**Жумагали
Саин**

ИЗБРАННОЕ

Стихи и поэмы

Перевод с казахского

АЛМА-АТА
Издательство «Жазушы»
1983

Составители: А. Шарипов и А. Саин

Саин Жумагали

С 15 Избранное: Стихи и поэмы (Пер. с казахского. Сост. А. Шарипов и А. Саин.— Алма-Ата: Жазушы, 1983.— 160 с.

В книгу вошли стихи о Великой Отечественной войне, написанные Жумагали Саиным — комиссаром партизанского отряда, действовавшего на оккупированной гитлеровцами территории. Поэт воспекает героизм и стойкость советских людей.

В стихах, пронизанных высоким пафосом, нашла глубокое отражение душа солдата, простого советского человека, патриота, интернационалиста.

В сборник вошли также лирические стихи послевоенного периода, поэма «Кулянда» и незавершенная поэма «Человек», которую можно считать вехой на творческом пути поэта.

Рецензент: В. Антонов

Каз 2

С 4702230200—115
402(05)83 204—83

© Перевод на русский язык, «Жазушы», 1983 г.

372843

ПОЭТ, ПРИШЕДШИЙ С ВОЙНЫ

Жумагали Саип мог бы сказать о себе словами русского поэта Семена Гудзенко, своего современника:

Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем...

Он умер спустя семнадцать лет после того, как закончилась Великая Отечественная война, и все эти годы были для него трудными годами борьбы с недугом — последствием фронтовых ранений.

Мне вспоминается день (теперь уже очень далекий!), когда я впервые услышал это имя. В коридоре студенческого общежития, у окна, стояла группа однокашников-казахов. Один из них (потом он стал писателем) что-то громко читал товарищам, и слезы текли по его лицу. Я спросил ребят, что они читают, и услышал в ответ: «Стихотворение Саипа!» Это было одно из наиболее известных теперь произведений поэта, тогда только опубликованное, — его «Непереданное завещание». Оно представляет собой лирический монолог умирающего бойца, не успевшего передать землякам завет и наказ убитого товарища. Посвященное «памяти партизан Абдоша Габдулова и Василия Щербакова» и исполненное подлинного трагизма, стихотворение проникнуто любовью к родному краю, зримый облик которого в эти страшные минуты возникает в памяти солдата.

В стихах Саипа не было облегченного показа действительности, выражение чувств было искренним. И потому с такой убедительностью звучали для читателя строки, обращенные к жизни, к однополчанам и еще — к Украине, для которой проливший кровь на ее земле казахский юноша стал родным:

О прожитом не жалею —
Жизнь, ты была щедра.
Темнеют снега, темнеют.
Я уйду. Пора.
Меня вы простите, братья,
Если в чем виноват,
Если грустил некстати,
Если шутил невпопад.
Прими меня, Украина,
Саваном белым укрой,
Как дорогого сына:
Я был в этот час с тобой...

Тема интернационализма, как и тема Родины, всегда была живой и органичной для Саипа-поэта, потому что Саип-офицер Советской армии, Саип-политрук партизанского отряда на Донбассе смог в полной мере осознать цену человеческой дружбы и братства в дни тяжелейших для страны испытаний.

Если вы перелистаете книги Жумагали Саипа, вы найдете в них стихи, под которыми стоят пометки: «Хутор Пшеничный, Ворошиловградская область, январь 1943 г.» или просто — «Партизанский отряд».

В доме крестьянки Ефросиньи Михайловны Масловой на оккупированной гитлеровцами территории лежал он тяжело раненный, и только ее мужество, находчивость и самоотверженность спасли ему жизнь.

Подаром Пазым Хикмет написал в одной из своих статей, что «этот казахский поэт... стал в моих глазах символом дружбы всех народов Советского Союза».

Молодой Саип писал стихи и до 1941 года, на русский язык его юношеская лирика была превосходно переведена А. Б. Никольской.

Но все же поэтом со своим отношением к жизни, со своим голосом Жумагали Саип пришел с войны. В казахской литературе сороковых годов его «Партизанские песни» заняли особое место.

Снова и снова возвращался он к своей выстраданной теме; ранняя смерть помешала ему осуществить еще многие планы, с нею связанные.

Жумагали Саип был мирным и скромным человеком. Кто знал его, помнит, что он всегда старался быть незаметным, не оказываться в центре внимания окружающих. Когда, уже в середине 50-х годов он побывал на Украине и киевские писатели торжественно

встретили его, украинского партизана, он был растерян, озадачен и с некоторым удивлением рассказывал мне, что его переводит Олекса Повидкий, что журнал «Украина» поместил о нем очерк и т. д.

Мне довелось помогать ему в подготовке нескольких русских изданий его произведений, обсуждать достоинства и недостатки оригинала и перевода, наконец, самому переводить его стихи, и мне вспоминается улыбка поэта, всегда несколько виноватая, когда он оценивал то, что писал.

А между тем вклад Саина в родную литературу достаточно весом. Он был и лириком, и создателем нескольких талантливых поэм, и — в последний период — прозаиком.

В большой поэме «Кулянда» рассказана трогательная история любви юноши и девушки, которым в описываемые поэтом «минувшие годы» мешают соединить свои судьбы хозяева стени — баи. Поэт изображает волевых и решительных людей, готовых к борьбе против зла и выходящих из нее победителями.

Сюжет поэмы во многом традиционен (вспомним хотя бы народный эпос о Козы-Корпеше и Баян-Сулу или «Майкольскую гробницу» (Жакана Сыздыкова), но мажорная тональность финала и яркость бытовых сцен делают ее своеобразным явлением в казахской литературе. Интересен и стих произведения, местами традиционно-фольклорный, а местами отражающий творческие поиски автора. Произведение это на русский язык переводилось Н. Титовым и А. Сендыком.

Удивительны своей живописностью послевоенные стихи Саина, его лирика, герой которой предстает перед нами на фоне казахстанского пейзажа, столь милого сердцу поэта родного Баян-Аула и Карашской долины. При этом здесь почти нет описательных стихотворений — для всех характерна острота восприятия, эмоциональный накал, насыщенность переживания.

Несмотря на болезнь, Жумагали Саин и в последние годы жизни много и продуктивно работал. Одним из наиболее значительных его произведений считают философскую поэму «Человек».

Поэт не успел завершить ее, но и в незаконченном виде она обнаруживает масштабность замысла, напряженность ищущей мысли. В ней автор отказывается

**РОЖДЕНИЕ
СТИХА**

Стихи мои!

Вы на заре вставали
И где-нибудь на горном перевале
Бок о бок с рядовыми чабашами
Рукой до неба просто доставали.

Вы проходили по цехам завода,
Не предъявляя пропуска у входа —
Так очевидна,
до того наглядна
Была в стихах рабочая порода.

Мы вместе в добровольцы записались.
В атаках —
вместе на врага бросались.
В меня осколки вражки попадали,
А шрамы — на моих стихах остались.

Я ранен был и, вместе со стихами,
Перебинтован белыми бинтами,
А после в строй мы вместе возвратились
Под коммунизма пламенное знамя.

Корысти ради
и карьеры ради
Не исписал я ни одной тетради,
И если мой народ
мой стих полюбит,
То мне ли думать о другой награде?

УТРО И ЧЕЛОВЕК

Светало. Чуть бледнело небо.
Дул тихий ветер, еле слышный,
Перемещая волны хлеба,
Пшеницы — колосистой, пышной.

Потом деревья распустили
Похожие на перья листья.
Луга с зарей заговорили,
В росинках — искорки зажглись.

И, с уважением ожидая,
Покуда человек prospется,
Нашеву птичьему внимая,
Неспешно поднималось солнце.

А человек вскочил,
оделся,
Умылся, не жалея мыла,
Неторопливо осмотрелся.
— Пошли!—
приказывает миру.

А в это самое мгновенье,
Услышав приказанье это,
Колеса начали вращенье,
Нарушив тишину рассвета.

Заводы загудели сразу
По человечьему приказу.
А волны, синие, морские,
Помчали корабли людские.

Людская сила, ум и воля
Мир непокорный
покоряли,
Преображали лес и поле
И счастье всей земли ковали.

МАЙ

Удивительная заря,
Небывало ты хороша...
На свеченье твое смотря,
Не парадуется душа.

Серьги ценные подарил
Веткам солнечный месяц май.
В кронах шелест десятков крыл,
Щебет птичьих веселых стай.

Уток праздничный караван,
Крики лебедя над водой...

До чего же мой Казахстан,
Ты нарядный и молодой!

Горы в дымке, в долинах свет,
И тюльпанов горят огни.
Ветру утреннему в ответ
Важно кланяются они.

А на поле земля черна,
Вышел в поле герой труда...
Посмотри-ка ты, как длинна
Бархатистая борозда.

Как он землю вспахал свою,
Как узоры те глубоки...
Потому я и говорю:
Это мастер большой руки!

Знает пахарь — наступит час,
И над пашней широкой той,
Легкой зыбью лаская глаз,
Хлеб подыметесь золотой.

Удивительная заря,
Небывало ты хороша.
На свеченье твое смотря,
Не нарадуется душа.

ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Метель... Холодная метель
В мой детский сон входила,
Мою качала колыбель,
Над колыбелью выла.

В аулах будто ни души —
Людей упрягал голод.
Шуршали снегом камыши,
И в дом врвался холод.

В такие дни я был рожден.
Стучали ветры в двери.

Исчадие глухих времен —
Бураны песни пели.

Крепчал бурап и вестер выл,
Метался по оврагу.
Он стужей в сердце мне входил
И с ног валил беднягу.

Как я кричал.

Был слаб и мал.

Вокруг снега рыдали.
И я рыдал, народ рыдал,
И вьюги причитали.

У горя тоже есть предел.
Тогда, в глухие годы
Народ униженный прозрел,
Увидел свет свободы.

Не стал он ждать иной судьбы,
Молить о ней аллаха,
Он смело выбрал путь борьбы,
Не зная больше страха.

Потом пришла в аулы весть,
Желанная свобода,
Народ узнал, что Ленин есть,
Что Ленин — вождь народа.

Родная степь за ним пошла.
Еще не стихли бури.
Но жизнь как будто расцвела,
Иные ветры дули.

Не стало видно слез в глазах.
Пастал год потеплений.
И повторял тогда казах
Одно лишь имя — Ленин.

Я это имя услышал
С великим удивленьем,
И брат мой младший повторял
За мною имя Ленин.

ЛЕТНЯЯ КАРТИНА

Еще и солнце не зашло,
И полумесяц светит.
Воды прозрачное стекло
Едва колышет ветер...
Звенит прозрачная вода,
Стоит спокойно ива,
И волн кудрявая гряда
Бьет в берег шаловливо.
Все так прекрасно.

Хорошо.

В природе нет изъяна.
От ветра летнего свежо,
И травы пахнут пряно.
Идут колхозные стада,
Несут тугое вымя.
Стоит на озерке вода
С деревьями густыми.
А рядом парень молодой,
Высокий, крутобровый —
Стоит над чистой водой,
Над миром этим новым.
Гляжу на светлое лицо.
На лик его прекрасный —
Еще и солнце не зашло,
И светит месяц ясный...

КЛЯТВА СИРОТЫ

Когда остался я одинок,
Без матери, без отца,
Когда помочь мне никто не мог,
И не было мукам моим конца,
Когда от аула к аулу брел
Голодный, приюта лишен,
Меня никто в степи не нашел,
Рядом никто не шел.
Я был лишен материнских ласк
И материнских забот,
Ко мне пришла
Советская власть
И усыновил народ.

Она сказала:
Живи, учись,
Будь счастлив, сынок, всегда.
И я восславил
Новую жизнь,
Советскую власть труда.
Я с нашей Партией
Рядом рос.
Я знал заботу ее.
Я больше не лил
Сиротских слез.
Забыл про горе свое.
И если Партия скажет мне,—
Отдай свою жизнь!
Я жизнь отдам
Советской стране,
Чтоб жил коммунизм!

ТОЛГАУ¹

Торжествуй, вдохновенья сын!
Мир без звуков и пуст и тесен,
Пусть выводит вперед акын
Вереницу веселых песен,
Пусть отточит язык акын,
По струне ударит певучей,
Чтоб до самых крутых вершин
Долетел тот призыв могучий.

О прекрасный язык певца,
Будь торжественным и игривым,
Будь веселым и до конца,
Как народа душа, правдивым.
Не стихая, звучит домбра,
Умножая поэта славу,
Робкий заяц ему не брат,
Гордый сокол ему по праву.
Он такие слова найдет,
Чтоб сердца поразить словами,
Чтобы песню хранил народ,
Как свое боевое знамя.

---

¹ Толгау — стихотворное размышление.

Пой поэт, чтобы песнь была
Самому соловью укором,
Чтоб жила она, чтоб цвела
Непохожим на все узором.
С чем ты песни свои сравнишь?
Ты, как стрелы, их в мир пускаешь.
Ты, как золото, их хранишь,
Ты, как жемчуг, их добываешь!..
Сердцем юным своим звеня,
Ты, как пламя, горн в работе...
Дай мне крылья орла в полете!
Дай мне соков твоих испить,
Дай простором дышать широким,
Чтоб я родине мог служить
Всем своим ремеслом высоким,
Чтобы были слова полны
Вдохновенной души стремлений,
Чтобы не было им цены,
Чтоб не стало для них сравнений.
И тогда забирайся ввысь,
Выходи из упряжки тесной,
И тогда, как тулпар¹, несись,
Начиная свой пир словесный,
Я рожден Октябрем, я сын
Молодого степного рода.
Полным голосом пой, акын,—
Стал свободным язык народа.

Пусть толгау твоё, певец,
Понесется в степные дали,
Чтоб миллионы людских сердец
В этот час твоему внимали.
Из раскрытой миру души
Ты лети, мой призыв певучий,
Ты ветрами степей дыши,
Обгоняй облака и тучи.
Как клинок, отточу я речь,
Чтоб сверкала она, играя...
Так в бою обнажали меч,
В битву яростную вступаю.

---

¹ Тулпар — сказочный конь.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Я рожден Октябрем,
Революции — сын,
Я горжусь этим днем,
Я в семье не один.
Посмотрите на степь,
Как ликует она!
Как сегодня не петь,
Песня всюду слышна.
У меня интерес
В этой жизни во всем —
Здесь под синью небес
Я рожден Октябрем.
Ленин — имя вождя
Светит, словно звезда.
Звонкой каплей дождя
В жизнь вошло навсегда.
Жизнь прекрасна везде
И полна, как луна.
Словно лебедь в воде
Хорошет она.
Счастлив я, что рожден
Под счастливой звездой,
Средь великих имен —
Имя Ленин со мной.

ЛЕНИНСКОЕ СОЛНЦЕ

Свистел бурян над степью голой,
И русла рек сжимали льды,
Стонала мерзлая земля.
В потемках,
В юрте невеселой
Для рабства, горя и беды
На этот свет родился я.

Я рос...
Над степью бились грозы,
И черный ветер неудач
Ломал усталые березы
И гнул столетний карагач.

Я видел только кровь и слезы,
Я слышал тихий детский плач.

И дымка неба голубая,
И речки легкая волна,
И даль весенняя, сквозная,
И солнечная тишина
Не для меня цвели...
У бая
Был только кнут для чабана.

И так я жил бы на земле,
Кляня и час и день рожденья,
Прошел бы я безмолвной тенью
И растворился бы во мгле...
Но к беднякам явился Ленин,
Родилось солнце на земле.

О Ленин!
С именем твоим
На правый бой пошли без страха
Казах, узбек и армянин.
Ты к счастью путь открыл казахам,
Ты осветил дорогу им!

Иду ль лесной тропинкой узкой,
Или дорогою степной,
Передо мною — гений русский
И образ Ленина родной!

ЖЕРЕБЕНОК

Милый маленький игрун,
Резвый будущий скакун,
Смотришь ночью ты на звезды,
На тебя глядит табун.

Ты весь день готов играть,
Ты за хвост кусаешь мать,
То и дело ржешь без дела,
А когда захочешь спать,

Все зеваешь на луну:
Не пора ль уже ко сну?
Слушать я готов твой голос,
Как певучую струну.

Здесь в пастушьей простоте,
Станешь ты под стать мечте —
Станешь ты крылом героя,
Легче птицы в быстроте.

Возле юрты, на виду,
На коротком поводу,
Будешь ждать меня, покамест
Я к тебе не подойду.

Сяду, гикну над седлом,
Сабля звякнет серебром,
И, как вихрь, по округе,
Пролетит копытный гром.

Будем мы в степи с тобой
Нагонять волков зимой,
Лис ловить... Расти быстрее,
Черноглазый, резвый мой!

КУЗНЕЦ

Июнь. Чудесен летний день
В родном колхозе нашем.
Просторный мир лежит вокруг,
Цветами разукрашен.

С утра в работе весь народ:
Мужчины, жены, дети.
Один пасет, другой куёт,
На сенокосе третий.

Я на рассвете нынче встал,
Заря плыла, светлела..
Вот наша кузница. Стоят
Комбайны перед нею.

Ударит молотом кузнец:
Летят не искры — звезды!..
Любуйся, ранняя заря,
Богатырем колхозным!

И подчинялось кузнецу
Послушное железо.
Он раскалял и гнул металл,
Сверлил, на части резал.

Со лба катился крупный пот,
И молот в ликование
Упавшим каплям в такт стучал
По звонкой наковальне.

Я в эту кузницу вошел,
И мне тогда, как другу,
Кузнец навстречу протянул
Мозолистую руку.

— Сюда приходят, как к врачу,
Комбайны — подлечиться.
И потому я тороплюсь,
Что время быстро мчится...

И мне представилось: поля
Обильны и бескрайны.
Шумит богатый урожай,
Идут в поход комбайны.

То мой товарищ, времена
Трудом опережая,
Своей отчизне оснастил
Машины урожая.

РОДНИК

Мал да удал.
Высек путь из-под скал,
И поет: чок-даинь-чок
Золотой родничок.
Чок-чок! прыг под замшелый валун,
Чок-чок-раз, — и опять у скалы.

Он так нежен, так чист, удивительно юн,
Он рожденный из света и мглы.
Как прозрачна вода, как она холодна,
Как струя и свежа и легка!
Можешь пить целый день,
Но не выпьешь до дна
Голубую струю родника.
Пополняет водой его хмурый ледник,
Чтоб в низовьях далеких долин
Превратился в речушку веселый родник,
Стал подарком для знойной земли.
Так и есть! По арыкам вода разошлась,
Та, что путь свой нашла из-под скал...
...Пьют сады её всласть,
И мираб — се власть —
Ты — прекрасная Нуржамал!

ЛЕНИН

Есть свет неугасимый в именах,
А есть слова, как знамя: имя — Ленин —
Всегда у всех народов на устах,
У нынешних и новых поколений.
Он века нашего живой родник,
И я, и ты, и мы все — не однажды —
Мы впитывали мудрость его книг,
И еще больше ощущали жажду.
Кто скажет «Ленин умер»? Нет таких!
Он даже признан, как живой, врагами.
Его слова, его бессмертный лик
Все ярче, животворнее с годами.
«Союз советских»... — гордо говорю, —
В наш герб словами огненными врублен.
Я Ленина за то боготворю,
Что он родной отец моих республик.
Как раньше, возглавляя караван,
Идет он впереди народов наших.
И мой степной, родимый Казахстан
Под солнцем Ленина сильнее все и краше
Создатель партии, Союза моего,
Союза нерушимого республик,
Мой Ленин! Нет родимее его
Во всей стране, и даже здесь в ауле.

Когда я огорчусь — он подбодрит,
Дыханьем светлым силу мне вливая.
Его я вижу в алости зари,
Его я слышу в благовести мая.
Сегодня с ним, и завтра — рядом с ним.
С ним — в настороженном и грозном веке
Мой шар земной да будет голубым,
Да будет солнце с каждым человеком.
Ребенок даже после «ма» и «па»
Раздельно произносит имя «Ле-нин».
К нему любовь народа не слепа,
Она у всех озарена

с рожденья

Делами громовыми Ильича,
Его прищуром глаз, его улыбкой.
Он — пристань для надежд, он — радости причал,
Маяк для всех в житейском крае зыбком.
Он — в деле, в слове мудрого ЦК,
Центральный Комитет — и ум его и совесть.
А партия — наследник на века,
Наследник Ленина по духу и по крови!
Когда фашизм — смертельный враг всему,
Напал на нас коричневой лавиной.
Мы верили ЦК, а, значит, и Ему,
И от Москвы дошли до стен Берлина.
Мы возродили к жизни города,
И заново построили заводы.
Гудят на новых трассах поезда,
И Ленин вечно в сердце у народов.
Безоблачен над нами небосвод,
Страна, в рабочем гуле новостроек,
К великой цели ускоряет ход.
И Ленин и со мною и с тобою.
Земной, простой, подвижный, словно ртуть,
Он там и здесь, в своей знакомой кепке,
Ведет наш караван в прекрасный путь
Дорогами рабочей пятилетки.

ГОРЬКИЙ

Он с нами всегда говорил откровенно,
Креймил пустоту обескрыленных фраз.

А мы? Мы привыкли к словам юбилейным
И жить не умеем без них подчас.
Есть круглая дата — неважно какая —
Заранее пишем торжественный стих.
Не песня — газетная передовая.
Нельзя ли о нем без стихов таких!
Боец и писатель кристальнейшей честности,
Чье слово нам было, как «ласка и кнут»,
Не мог он терпеть юбилейной елейности
До самых последних своих минут.
Я с томиком Горького тропаю военной
К Победе шагал через сотни смертей.
Он словом пламенным, словом нетленным
И мне помогал, и отчизне моей.
Пусть было трудно, пусть приходилось
Вставать и падать, и снова вставать.
В солдатское сердце вливали силу
Умные, горьковские слова:
«Безумство храбрых — вот мудрость жизни...»
Безумство храбрых! В октябрьские дни
Не эта ли сила зажгла над отчизной
Рукою Ленина свободы огни!
Сквозь голод, блокады, ночные пожарища
Россия бесстрашно за Лениным шла.
Был Горький для Ленина верным товарищем,
Их дружба от Волги до Питера шла.
Писатель и вождь революции — Ленин.
Два сокола волжских, взлетевших в зенит.
Да славит их дружбу мое песнопение,
Пусть Горького имя в стихах прозвонит!
Мы знаем истории толику малую:
Чего да как? — не вдруг разберешь.
Поездку Горького на юг Италии
Сейчас лишь оценишь и сердцем поймешь.
Я в комнате тихой. Сиреневый сумрак,
Над столиком — Горького старый портрет.
О чем он думает, спокойный и мудрый,
Накинув на плечи свой тепленький плед?
Быть может, сейчас, чуть по-волжскому окая,
Он песню о Соколе, гордом прочтет?
Иль, может, он молодость видит далекую
И в Соколе гордом себя узнает?
Никто мне не скажет, никто не ответит...

А где-то вдали, над вершинами гор,
Вдруг вспыхнул в оранжево-яростном свете
И в долю секунды сгорел метеор.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

1

Дней детства сказочная быль
Порой среди прожитого тонет...
...Носился я, вздымая пыль:
— А ну-ка, кто меня догонит!

Бывало, в лес я убегал,
Вдыхал листвы зеленой воздух,
Подолгу почью созерцал
Безоблачное небо в звездах.

И звезды улыбались мне,
Глядели ласково, без гнева,
В их сочетании в вышине
Мне рисовался облик девы.

Сиротка бедная, как я,
Была она полна печали.
Глаза, дрожащий свет струя,
Казалось, слезы источали.

Тот облик я в душе хранил,
С ним разговаривал украдкой.
Мир для меня загадкой был,
Земля — и та была загадкой.

2

К примеру — озеро Копа:
Еще тому назад с неделю
Вдруг разлилось, что океан,
А пынце — заводи да мели.

За камышом я прихожу,
На воду глянул — и ошел.

И, помню, кулачком грожу:
«Не забрай всю воду, леший!..»

У камыша — своя душа.
Он к дуновенью ветра чуток,
И слушал шорох камыша
И криканье гусей и уток.

Я наблюдал за жизнью птиц,
В кустах отыскивал их гнезда,
По тройке, по пятку яиц
Брал, пересчитывал, как звезды.

Братишка младший был со мной,
Мы ни на час не расставались
И наслаждались тишиной,
Своей добычей наслаждались.

Здесь все принадлежало нам:
Вода, камыш, земля и небо,
И предвечерний птичий гам.
Так счастлив никогда я не был!

Бывало, затемно домой
Я с неохотой возвращался.
Днем я герой: лес — мой, мир — мой,
А к ночи — лешего боялся.

Никто в ауле нас не ждал
И не искал детей в тревоге.
Ни от кого я не слышал:
«Пора домой», «Промочишь погни».

Не знал ни ласки, ни тепла,
Соседи были безучастны —
У каждого свои дела...
Так рос я — «спрота несчастный».

Иным не нравилось, как я
Хожу, смеюсь или играю.
Рвалась к добру душа моя,
Подавленность одолевая.

Чужая мать своих детей
При мне, бывало, приголубит —
Тоска в груди еще лютей:
«Никто, никто меня не любит!»

Кому я нужен?

Где мой дом?

Все звал упрямо: «Мама, мама!»
И горько плакал я тайком.
Сиротство — нет страшнее драмы.

Меня спасало, степь, твое
Соседство, ширь земли родной!
Ты скрасила мое житье...
Ты путь определила мой!...

БАХЫТ

Мой черноглазый мальчишка,
Мой маленький брат Бахыт
Куда-то нынче собрался,—
Хлопочет он и спешит...
Полдень. На синем небе
Ни облачка нет с утра.
Над нашим зеленым городом
Стоит золотая жара.
Идет мой Бахыт по улице
За собою коня ведет,
То дернет его за уздечку,
То хлыстиком подстегнет.
И конь деревянный дальше
Катится, бодр и быстр.
Сел на него и поехал
Мальчик-кавалерист!..
Мама идет за Бахытом.
Никак ее не понять:
Должно быть, ей тоже хочется
Участье в игре принять?
Мальчик коня понукает:
То шпоры ему дает,
То вдруг его остановит
И зорко глядит вперед..

И вот к заветному дому
Добрый конь прискакал.
Мама с Бахытом входят
В высокий и шумный зал.
В зале высоком много
Неугомонных ребят.
Подобно ручьям весенним
Их голоса звенят.
Вот они собиравются,
Сходятся в хоровод,
Вот командир их юный
Всех через зал ведет.

Здесь уголок есть красный,—
Алый искрится шелк,
Солнце скользит по шелку...
Очень здесь хорошо!..
Висят на стене рисунки —
Рисунки наших ребят.
Бахыт мой вдвоем с приятелем
Перед портретом стоят.
Портрет в аккуратной рамке,
Маленький мальчик на нем —
С волнистыми волосами,
С внимательными глазами
И высоким лбом.
Дети спросили о мальчике,
И кто-то ответил им:
— Когда был Ленин маленьким,
Был он вот таким.
Стоял мой Бахыт и думал,
Подняв к портрету взгляд:
Неужто был Ленин маленьким
И тоже ходил в детсад?
И вдруг зазвенел его голос,
Детский прервав разговор:
— Ребята!
    Будем как Ленин!
— Будем!—
    ответил хор.

МЛАДШИЙ БРАТ

У каждого есть тайные желанья.
Я не без них. Я тайнами богат.
На музыку стихов перевожу преданья,
Каких ещё не слышал младший брат.

Преданья древние мне согревают сердце,
Без них душа народа не видна.
Ну, вот куда мне от братишки деться?
Присел со мною рядом у окна.

— Ты что там пишешь? Спой мне песню лучше.
Возьми домбру, пускай она поет.
Хочу стихи я новые послушать,
Журчащие ручьем и сладкие, как мед.

— Ты сам, калкам, как мед июньский сладок:
Ты звездочка моя, мой негасимый свет.
Вода в стихах иль мед — гадать не надо.
Водой я напою тебя, а медом нет.

Познанья жажду утоляет книга,
Ее пишу я даже по ночам.
Братишка радостно по комнате запрыгал:
— Где мед, а где вода, я разберусь и сам.

Не надо звать меня ни «светиком», ни «солнцем»,
Ни «золотцем», не так уж я и мал.
Прочти стихи иль спой. Не будь упрямым.—
И младший брат меня поцеловал.

— Зрачок мой, стригуночек ненаглядный.
Ну чем ты недоволен, милый, чем?
Есть у тебя карандаши, тетради,
Есть сапоги, костюм на зависть всем.

Мой калкатай, мой ясноглазый светик,
Для школы у тебя есть все как раз.
А завтра вместе с мамой на рассвете
Пойдешь ты в самый главный первый класс.

Братишка на меня взглянул серьезно:
— Да, есть костюм, портфель, карандаши.

Но песни нет... Ты напиши о звездах,
О звездном утре песню напиши.

И выпорхнул на улицу, к ребятам,
Как будто воробей из под стрехи.
А я задумался, и словно виноватый
Решил мальчишке сочинить стихи.

ГУЛЬЗАДА

Новая школа, над дверью плакат:
Он призывает к учебе ребят.
И вот от аула до школы с утра
Выводком пестрым спешит детвора.

Те, кто постарше, солидно идут,
И пионерские песни поют.
Девочки в платьях одетые яркие,
Мальчишки, видимо, десятиклассники

В брюках до пят, в пиджачках нараспашку,
С папой или с мамой ильвуют «первоклашки».

Мама целует свою Гульзаду:
— Быстрее за нами!
— А я не пойду!
— Дочь моя, разве купила я зря
Десять тетрадок и два букваря?

— Ой, я забыла... Быстрее, вперед!
А то кто-то место за партой займет.

Девочка в ранец сложила все книжки,
И побежала за мамой вприпрыжку.
— Я б тоже училась,— вздохнула апа,—
Но, к сожаленью, стара и слепа.
А внучка прилежна, скромна и умна,
Наверно, профессором станет она.

ЛАГЕРНАЯ ПЕСНЯ

Луг рососою серебря,
Разгорается заря...
Мы сегодня рано встали,—
Мы уходим в лагерь.

На лесистых склонах гор
Ждут нас солнце и простор,
Ветер огненные флаги
Над палатками простер.

Жизнь светла и хороша,
Счастьем полнится душа.
Мы живем под ясным небом,
Ветром родины дыша.

Барабанщик, звонче бей!
Лейся, песня, как ручей!
Нас в далекую дорогу,
Командир, веди скорей!

В лагерь идет отряд,
Горны весело трубят.
Мы в траве душистой будем
Загорать все дни подряд.

Будем пить из горных рек,
Разбивать в горах ночлег,
Будем песней, в полный голос,
Славить наш счастливый век.

ВЕСНА

Запах земли дурмапит, как сладкий яд,
Степь ожерельем украсила свой наряд,
Раскрылись тюльпаны, оделись листвою ветви,
Мир обратился в огромный волшебный сад.

Словно павлиний распущенный хвост, ярки,
Спят близ аула травы и тростники,
А хор соловьев обезумевших сыплет трели
С прибрежных кустов па серебряный серп реки.

Сердце поэта с весной всегда на «ты»,
Я и сейчас, как ребенок, люблю цветы,
Птиц щебетанье, журчанье ручьев прозрачных,
Солнце, глядящее из голубой пустоты,

Звуки весны, и запах ее, и цвет,
И степь, что верхом не объедешь за десять лет..
А ноги ступают по ярким коврам цветочным.
Природа весной забывает о слове «нет».

Но больше всего, соловей, я люблю тебя,
Поешь ты, страдая, ликуя, грустя, любя..
Спустишь, обучи меня песням своим заветным,
В них каждая трель, как весенней реки струя.

* * *

Весна в степи благоуханна,
Особой прелести полна,
Над ней тяжелые туманы
Плывут с утра и до темна.

Плывут и тают постепенно,
Рождая на лугах цветы.
И я, как добровольный пленник,
Не ухожу от красоты.

Той первозданной, первородной,
Когда под небом голубым
Звонит светло и благородно
Зеленый свет, весенний дым.

Летающий в радостные дали,
Где ты, ковыль, и ты, полынь,
Среди живительных проталин
Стремись ввысь, в степную синь.

А степь колышется, волнуется
Всем разпотравнем весны,
И я иду зеленой улицей,
И думы тихие ясны.

КАЛМАКАН

Были дни,
как подобие тьмы.
Видел ты
только черный рассвет.
Вышел ты
из этой тюрьмы.
Скинул путы
голодных лет.
Стал известным
поэтом ты.
Как орел,
набирайся сил.
Я желаю тебе высоты,
Чтобы долго ты
в небе парил.

КЛЯТВА

Песутся годы вдаль, как будто копн,
Как сказочные быстрые тушары.
Я славлю мир, держу его в ладонях,
Я обладатель солнечного дара.
Мой дар — мой кюй, мое стихотворенье.
Его, как будто знамя, поднимая,
Всю страсть свою, всю силу вдохновенья
Я отдаю и Октябрю, и Маю!
Я славлю радость матерей и братьев.
Свидетели тому мои седины.
Москва, послушай! Я пою о счастье,
Ты внемли песне старого акына.
Как реки в половодье вешнем, пенясь,
Уподобляются по буйству океану,
Я в ритмах новых обретаю смелость,
Я — вольный сын родного Казахстана.
Земля моя! Что вижу в нашем прошлом?
Что слышу я сквозь вековые дали?
На юртах вижу латаные кошмы,
В чабанских песнях слышатся печали.
А степь бедна! Бедна в своем величьи.

И песни, словно стоны, бесконечны.
В бедняцких думах, думах горемычных
Стоял один, один вопрос извечный:
Как дальше жить? Где к лучшей жизни выход?
Луне молились и высоким звездам.
Но вслед за чабаном шагало лихо,
Был рай земной муллам и баям роздан.
Я бы не пел, коль жизнь такая дальше
Цвела в степи репейником колючим.
Быт наш дремал, он был сонлив и страшен,
Как грозовые, медленные тучи.
И кровь из глаз сочилась, а не слезы
Грудную клетку сердце разрывало.
А бая власть сильна, и кнут у бая грозен.
Что было бы тогда? И что б со мною стало?
Ходил бы за отарой я в лохмотьях
По пастбищам пустым и полудиким.
И не посмел, при всей своей охоте,
Людей в степи увидев, подойти к ним...
Куда там петь? Куда там стать поэтом!
Но грянул гром, гром Октября могучий.
И я обрел свой голос, песню, крылья.
Народ мой стал свободен, сникли тучи,
Пад степью, возрожденной к изобилью
Улыбок детских, золотого хлеба.
О, Родина моя, клянусь тебе, клянусь я,
Что где бы я ни жил, и где бы ни был,
Я — сын казаха буду вместе с Русью,
Я буду с Грузией и Украиной вместе.
Никто не разорвет союза наций.
Казах готов с любым народом честным
На веки вечные любовно побрататься.
Но если скажет Родина: «Казах!
Бери оружие. Враг подошел к порогу».
Мы встанем все под наш советский флаг,
И в бой пойдем при первой же тревоге.
По лучше — добрый мир! Пусть небо будет чистым!
Не для войны, пусть миру светит атом.
Клянусь высоким словом коммуниста,
Что Родину люблю светло и свято!

ДРУГУ ПОЭТУ

1

Я помню год: журчанье вод,
Весной гулянье вдоль арыка,
И молодежный хоровод,
И много песен, смеха, крика.

А помнишь дивный вечер, друг?
Ложали мы в саду цветущем.
Деревья стали в белый круг.
Мы говорили о грядущем,

И мысли обступали нас,
Как эти яблони в расцвете.
Я помню, помню, как сейчас:
Мы распрощались на рассвете.

Делясь созревшей мечтой,
Мы оба об одном мечтали,
Ты говорил, и чистотой
Твои глаза во тьме сияли.

Мы обсуждали, — помнишь, друг? —
Пути наук и цель познания.
И я тогда поверил вдруг,
Что творчество — твое призванье.

2

Ты говорил мне: «У птенца
Окрепнут крылья — станет птицей.
Чтобы летать, мы без конца,
Всегда, всю жизнь должны учиться.

Понять величье Щедрина,
К полету Гете приобщиться,
Познать их таинства до дна,
Творить и — продолжать учиться.

Всю сладость Пушкина впитать,
Проникнуть в сложный мир Шекспира,
И где отринуть, где принять
Дух в вечность канувшего мира.

И — полететь, и — долететь,
И оказаться на вершине...»
Друг, крылья ты хотел иметь —
Ты мощно их расправил ныне.

Перед тобою путь прямой.
Успех — нелегкая работа.
К вершинам поднебесным взмой,
Стань птицей дальнего полета.

И я, как ты, взлететь хочу,
Пьянеть от песенного гула.
Зови с собою — полечу,
И пусть услышат нас аулы.

ДЕВУШКА-КАЗАШКА

Посвящается Куляш Байсеитовой

Завыванья ветра вдали,
Вторят ветру губы твои:
«Я умру, дорогая, умру».
Это ветер тревожит домбру.
Чистый голос, а рядом другой.
Голос утренней

всходит звездой:

«Вечной горести, милая, нет,
Вслед Венере приходит рассвет».
Алатау, Алтай и Урал
Этой песне печальной внимал.
Эту песню пела века,
Вторя ветру, Сарыарка.
В нашей памяти те времена,
Ты рыдала, рыдала страна:
«Мне вы весточку только всего —
Оттого я тону, оттого».
Это память печальных времен,
В наших душах

лишь слышался стон,

Лишь проклятья лились с языков —
Вот наследство прошедших веков.
А сегодня другие слова,—
Вновь тебе рукоплещет Москва;

Ты пленяешь счастливых людей
Задушевную песней своей.
Самый светлый рассвет над Москвой,
Слышу голос серебряный твой.
Слышат голос в стране
и в Кремле,
Голос радости вновь на земле.
Как восторг свой тебе передам.
Сердце лучшим доверю стихам.
Эту юную степь и зарю
Я, как жемчуг, тебе отдаю.

КОЛХОЗНАЯ НОЧЬ

Ветер уснул в камышах
на прибрежном лугу,
Степь загляделась
в холодную, сонную высь.
Темные тучи
в неторопливом бегу
С берегом ржавым
Аральского моря слились.
Ночь заступила
на смену осеннего дня,
Ало осина сверкнула вдали,
как костер.
Словно просила:
— Взгляни, Балтабай, на меня,
Разве не праздничен мой
предзакатный убор?
Поле колхозное дремлет
в мерцающей мгле,
Кажется: в низкое небо
вплывает оно.
Звезды над полем,
как будто цветы на земле,
Будто цветы,
иссушенные ветром давно.
Ток полевой
от усадьбы колхозной далек,
Бродит с собакой на поводке
мой Балтабай.

Путь возле хлебного склада
привычно пролет,
Жить в одиночестве долгом,
конечно, не рай.
Но аксакал не горюет,
он с детства привык
К отчей землице
и к волчьему вою в степи.
Ходит с ружьем и собакой
у склада старик,
Глаз не сомкнет до утра,
не поспит.
Он охраняет зерно. Скромный пост.
Все же на пенсию он не желает уйти,
Если хранить ему хлеб
доверяет колхоз —
Будет он здесь,
где скрестились стальные пути.
Вот из-за туч
показался Медведицы ковш,
Словно семь девушек —
семь ярких звезд.
Рад Балтабай:
урожай был отменно хорош,
В город шли с хлебом большим
за обозом — обоз.
Сторож — не пахарь, но ревностно он бережет
Пахаря труд — золотое литое зерно.
Ходит кругами по току
и старую песню поет,
Ту, что он с детства далекого
помнит давно.
Тихий напев вдаль летит,
за родные поля,
В небе луна молодая,
мерцающая, безмолвно и гордо горит.
Спит мирным сном
дорогая для сердца земля,
Мой Балтабай, как солдаты застав
на границах, не спит.

То лебедь медленно плывет,
Как челн, колеблемый волной.
И вдруг, расправив пару крыл
И вод прозрачных вспенив гладь,
Летит красивый, полный сил,
На дуг прибрежный погулять.
Резвится стайка гусенят
Вокруг гусыни молодой,
И чайки белые кричат,
Носясь над самою водой.
У озера особый мир:
Пройдись весной по берегам,—
Здесь у пернатых вечный пир,
Веселье, радость, шум и гам!
...Вдруг среди безоблачных высот
Заметил точку острый взор.
Она все близится, растет
И вниз летит, как метеор.
Песется к озеру она
С молниеносной быстротой,
И вот уже вблизи видна,
Бедой нависла над водой,
Птенцам, бедняжкам, не спастись!
Гусей и уток жадный враг,
Взвился с добычей ястреб ввысь,
Как крепко стиснутый кулак.
Из беззащитных гусенят
Он одного сумел поймать.
Своей поживе хищник рад —
Полна тоски гусыня-мать.
Он счастье унес ее,
Ей немилы весны дары.
Терзает душу стон ее,
Как заунывный звон домбры.
Меня смутил разбой дневной.
Жаль, что ружья со мною нет...
Вдруг слышу голос за спиной:
— О чем задумался, поэт?
То незаметно подошел
Пастух Жанак; он добр и смел.
Направил ввысь берданки ствол
И ястребка взял на прицел.
Сдержав дыханье, взвел курок,

На спуск уверенно нажал.
Мой друг, испытанный стрелок,
Не раз на стрельбах побеждал.
Ба-бах!.. Две пары зорких глаз
Впились в синюющую высь.
Со свистом пули понеслась,—
И ястреб камнем прямо вниз...
— Отличный будешь воин ты,
Любому дашь стрельбы урок!
Жанак, носить достоин ты
Знак «Ворошиловский стрелок!»
С веселой гордостью в глазах
Мне говорит в ответ Жанак:
— Здесь каждый юноша-казах
Носить достоин этот знак!
Мы в небе ястреба собьем
И лань подстрелим на бегу,
И если встретимся с врагом,
То не уйти живым врагу!—
Жанак зовет с собой меня:
— Не трать, товарищ, время зря,
Садись скорее на коня!
Поедем в наш колхоз «Заря»!
И вот я еду рядом с ним,
Мы, два казаха молодых,
Мы о колхозе говорим,
Об удалых конях своих.
То едем шагом, не спеша,
То вскачь, привстав на стременах,
И песни требует душа,
И на скаку поет Жанак...
В ауле ровный ряд домов;
Перед домами на столбах
Тугие струны проводов
И фонари, как в городах.
Завидев нас издалека,
Гурьбой детишки к нам бегут,
Кричат: «С приездом, Жан-ага!»¹
Салют нам дружно отдают.
Они о всех своих делах
Нам говорят наперебой,

---

¹ Ж а н - а г а — душа.

И подымаст красный флаг
Один мальчишка боевой.
Стоит он гордо впереди.
Вокруг веселье, песни, смех.
Как птицы счастья, на груди
Трепещут галстуки у всех...
Эй, неокрепшие птенцы!
Готовьтесь в радостный полет
И верьте: братья и отцы
Вас защитят от всех невзгод.
Мы в небе ястреба собьем
И лань подстрелим на бегу,
И если встретимся с врагом,
То не уйти живым врагу!

ЛИНИЯ ФРОНТА

БУДЕТ СВЕРКАТЬ НАСТОЯЩЕЕ ЗОЛОТО

Фальшивую маску сорвет с лица
Тяжкое время войны,
Проявятся четко черты подлеца,
Станут они ясны.

Станет понятной людская суть,
Выявится, кто герой, а кто нет.
Увидишь,
    что всем по делам воздадут,
Потухнет фальшивый свет.
Уйдут из жизни предатель и трус.
Как золото, станут людям видны
Те,
    кто пронес тяжеленный груз
Смерти, жизни, войны.

СЛОВО ВОИНА

Вплотную смерть
    подступала ко мне,
Пытаясь настичь меня,
Огнем был охвачен,
    был весь в огне,
Но вышел живым из огня.
Трава
    переставала
    дышать,
Пепел веял с полей,
Врагам не позволю торжествовать,
По поводу смерти моей.
Я жив,
    принимая последний бой,

Я жив,
взрывая фашистский дот.

Враги надвигались
Волна за волной,
И каждый думал —
меня убьёт.

Они выходили за взводом взвод,
Прикрывшись танками,
шли на меня.

И каждый думал — меня убьёт,
А я вставал из огня.
Я тело спрятал

в окоп сырой,
В укрытиях замирал.
И в сотый раз
поднимался в бой,

И снова,
снова в атаку бежал.

Я бежал сквозь их
поредельный строй,

Я прорвался, изранен,
и весь в крови.

Тело выдержало этот страшный бой,
И окрепли душа и сердце мои!
Я упал.

Я добрался в окоп ползком.
Я знал — не отдамся им.

Они охватили меня кольцом
И захотели взять в плен, живым.
Я смертельную боль в кулак зажал,
И яростно застучал «максим».

«Не возьмете! — в лицо я
фашистам кричал, —
Не возьмете меня живым!»

Может, ярость моя мне помогла,
Может, в ранах жгучая боль.

Фашистская сволочь
вдруг залегла.

Отступила!..
Я выдержал бой!

Я слышал —
наши в атаку шли.

Я слышал топот солдатских ног.

Друзья подняться мне помогли,
Но я ничего сказать им не мог.
Я не слышал друзей слова,
Я не чувствовал в теле боль.
Я лежал, как лежит трава,
Как лежит земля под тобой.
Я не видел обугленных сел,
Я не видел солдатских слез,
Словно сам я

в землю ушел,
Тайну жизни своей унес...
....А когда я открыл глаза,
Дождик шел. Посвежело всё.
Капли светлые,

как слеза,
Оживили лицо моё.
Я подумал — снова живу!
Дождь губами жадно ловлю.
Вижу небо, вижу листву,
Я — живой!

Значит жизнь люблю!
Я очнулся, а надо мной
Чей-то лик сияет луной...
Черноокая чья-то дочь,
Дочь Кавказа,

как южная ночь,
Исцеляюще надо мной
Наклонилась нежной сестрой...
Я узнал —

сколько дней и ночей
Я лежал в полусонном бреду,
И она, не смыкая очей,
Отводила от меня беду.
Может, блеск этих черных глаз,
Может, голос нежный ее
В эти дни,

в который уж раз,
Оживляли дыханье мое.
Чтобы видел я небеса,
Чтобы снова познал любовь.
Эти ласковые глаза
Оживили солдата вновь.
Свет пролили в душу мою.

ПОМНЮ ТЕБЯ, РЕКА АЙДАР

Айдар, Айдар мой голубой!
Как мед, вода твоя сладка,
Красив зеленый берег твой.
Ты — мой Айдар, моя река...

...Там месяцами шли бои.
Там по камням — на берегу —
Я полз... Я и друзья мои
Несли в обоймах смерть врагу.

И я, подняв мой автомат,
Переплывал Айдар не раз.
Гудели волны, как набат,
Меня спасая в этот час.

Трассирующих пуль полет!
Разрывы среди черной тьмы!
Кто воевал, меня поймет:
За переправу билась мы.

И гибли под огнем друзья,
И смешивалась кровь с водой...
Айдар, Айдар, река моя,
Айдар, зеленый, голубой!..

Был воинам неведом страх!
Врагом сраженные во мгле,
Два друга — русский и казах —
Обнявшись, спят в одной земле.

Душа одна и кровь одна,
Одно отечество у нас,
Одна мечта, одна весна —
Та, о которой пел Тарас.

Айдар, забыть я не могу
Тепло украинских долин,
Я в Казахстане сберегу
К тебе любовь, как верный сын.

Усталый солдат
Стоит в пыли.

Но вот наклоняется
Он к реке.
Днепровская влага
В его руке.

Напился вволю,
Встает солдат.
На Днепр он смотрит,—
Открытый взгляд.

Как жизнь, текуча
Волна Днепра,
И мысль солдата —
Ее сестра.

Им плыть в согласье
К солнцу, к добру.
...Казах признался
В любви к Днепру.

ПЛЕННЫЕ

На их лягушечьих мундирах
Здесь не сверкают ордена,
И не властителями мира
Их привела сюда война...
И ты с высоких колоколен,
О Киев,
Погляди на них!
Ты, отстрадавший, будь доволен:
Они в пыли,
У ног твоих.
Ты вновь живешь,
И гул орудий
Над их землей
Стоит уже.
И думает фашист о чуде,
Как год назад — о грабеже.
А нас туда ведет дорога
Среди чужих,

Чужих равнин,
Где головою осьминога
Лежит Берлин...
И мы увидим:
Перед нами,
Огнем пылая в вышине,
Победно
Ленинское знамя
Взовьется на его стене!

--   **ДОЧЬ РОССИИ**

Где же слышал я голос твой --
Звонкий,
Жгучий, как зной степной?
Где с тобою встречался я?
Ты напомни, родная моя!

Может, в битву под Сталинградом
Мы с тобою ходили рядом?
А быть может, в ином краю
Помогала ты мне в бою?

Нет,
Не то...
И совсем не в бою
Встретил я красоту твою!

Помнишь
Госпиталь?
Бой затих...
Я очнулся в объятьях твоих.
Как родная,
Как близкая, ты
Пеленала меня в бинты.
Пеленала,
Смотрела в глаза,
На ресницах дрожала слеза...

Ты жила у постели моей:
Боль моя стала болью твоей.
Что ж ты жмуришься, милая,
Что?

Или, может,—
Опять не то?

. . . . .
Э, да что там —
Когда и где!
Я встречал тебя в жизни везде!

Мы с тобою ходили в бои,
Раны ты
Бинтовала мои!
Мы ходили по вражьи́м тылам,
Боль и хлеб деля пополам.

Коловертью военных путей
Ты прошла через сотни смертей
И стоишь нынче рядом со мной,
Как весенний цветок полевой.

Ты на стройке встречаешься мне,
Ты — на гулкой степной целине...
Ты куешь радость наших дней,
Дочь великой России моей!

ВСТРЕЧА НА ФРОНТЕ

Сколько раз рассвет наступал,
Я о друге своем тосковал,
А сегодня встретил его —
Земляка своего.

Я не верю глазам своим —
Рядом с другом моим сидим.
Если все о себе рассказать —
Это надо поэму писать.

Мы стоим —
и оба молчим.
У него автомат в руках.
Сколько связано в жизни с ним:
Дружба... Юность в родных краях...

Рад я видеть его в живых.
Обнялись мы,
                  как с другом друг,
Я не знаю, как у других,
Но глаза увлажнились вдруг.

За горячею той слезой
Подступал к горлу
  странный ком...
А потом мы поднялись в бой
С дорогим моим земляком...

ИЗ ПЕСЕН «РАНЕНОГО ПАРТИЗАНА»

*Е. М. Масловой, спасшей меня,
раненого партизана*

1

Я о вас стосковался, друзья!
Где костры партизанских ночей?
Где лесная стоянка моя?
Почему тишина? Где же я?
Чья землянка, блиндаж это чей?

— На фашистов! В гранаты! В ножи!
Кто меня положил на кровать?
О сестра-украинка, скажи:
Разве время пришло умирать?
Я хочу на свои рубежи,
Где дерутся за каждую пядь.
Разбинтуй ты меня, не держи,
Дай мне стать партизаном опять!

Партизаны, лесные орлы,
К вам я сердцем крылатым лечу,
В лес, где запах костров и смолы,—
Только там я себя излечу!
Что мне тихой землянки углы,
Что мне раны? Я боя хочу!

Они еще там, в бою,
 А я — лишь песни пою
 Про их боевое житье,
 И песни — дыханье мос...
 Ну, кто я в горе моем?
 Я — сокол с подбитым крылом,
 Мне раны — хуже цепей...
 Живу вдали от друзей,
 И мирен и тих мой дом.
 Сынок мой спит. Тишина.
 И ночь тепла и темна.
 А в пальцах, как мысль, остро,
 Упрямо дрожит перо...
 Мне кажется: я — у окна,
 Вновь тянется ночь без сна,
 Но буря, кровь, и штыки,
 И смерть — теперь далеки.
 Отряды скрыл перевал,
 А я, калека, отстал,
 Мне с ними уже не идти
 По славному их пути.
 И в строки стихов тяжело
 Бессильное горе легло...

Огонь копилки вижу я,
 Землянку, дальние курганы.
 По вас тоскую я, друзья,
 По вас тоскую, партизаны.

В лесах, где бродит лютый зверь,
 Идет нелегкая охота,
 А я один. В бою теперь
 Не стану я у пулемета.

Далекый город, нет тебя,
 С которым я душою слился,
 С тобой, как с лучшим другом, я
 Теперь надолго разлучился..

Сестра моя, я все равно
Уйду, покину эту хату...
Дай волю мне, открой окно,
Дай битву пламенную брату!..

Раскрой ворота в те края,
Где дымом обняты равнины,
Пусти меня, сестра моя,
Дочь непокорной Украины!..

Еще не кончил я бои,
Еще не отплатил за друга,
За слезы светлые твои
Еще не отомстил, подруга.

Друзья, еще я к вам вернусь,
Еще нальюсь я силой львиной,
Еще с врагами я сойду
В тревогах ночи воробьиной.

Здесь оставаться мне нельзя —
Уйду, когда остынут раны...
По вас, тоскуя я, друзья,
По вас тоскую, партизаны...

*Ворошиловградская область,
хутор Пшеничный.
Январь, 1943 г.*

БОЙСЯ СЛАБОМУ ДУХОМ

Бойся слабому духом
Молвить слово «тоска» —
Он тотчас же заметит:
— Значит, гибель близка.
Если ранен ты будешь,
Всем он скажет тогда,
Что уже закатилась
Твоей жизни звезда.

ДОНЕЦ

Ты бушевал, вскипая белой пеной.
Свистели пули, смерть неся прагу.

Орудия гремели, постепенно
Все в черный дым одев на берегу.

В тот день и ветер был невыносим,
Он завывал, он жалил, как свинец.
Пылая мстью, весь окутан дымом,
Ты был суровой прежнего, Донец.

Вдоль берегов металось эхо, вторя
Громовой канонаде, там, в дыму,
Где волны говорили, с ветром споря,
Что нет здесь переправы никому.

Все яростней рвались вокруг гранаты,
Тряслась земля под грудой мертвых тел,
И у бойцов пришлось просить пощады
Тому, кто нашу кровь пролить хотел.

Казалось, смерть над жизнью потешалась,
Но, воинскою доблестью горда,
Над сердцем у героя разгоралась
Певиданного подвига звезда.

В тылу врага громили партизаны,
А ты, Донец, бегущему врагу
Перерезал пути, клубя туманы,
Чтоб немец задохнулся на бегу.

Разгромлен враг...
И даль сияет снова.
На запад наши движутся войска.
Мы говорим, прощаясь:— Будь здорова,
Широкая красавица река!

Не чернилами, а кровью выводил я каждый стих,
Это песня о героях, не оставшихся в живых,—
Стали платой за победы оборвавшиеся жизни,
Пусть порою безымянна, но бессмертна слава их.

И на лодках — суров приказ!—
На тот берег неутомимо
Доставляли саперы нас.
Берег наш и не наш — ничейный.
Все же есть небольшой плацдарм.
Помогли нам речное течение,
Да призывом своим командарм:
— Коммунисты, вперед!— восклицал он,
Вместе с нами бежал вперед.
Пулеметное, черное жало
В нашу сторону выставил дот.
Командира оберегая,
Его телом прикрыл солдат.
Пулемет застучал, изрыгая
Своих дисков свинцовый заряд.
Снова, снова длинная очередь.
И казах, мой земляк, упал.
— Подойди же ко мне... дело срочное...—
Он губами едва прошептал.
Он лежал на боку окровавленном,
Чуть стонал... Гасла жизнь в глазах.
— Знаю, что я смертельно раненный,—
Еле слышно он мне сказал.
— Ты откуда?— я вымолвил горько,—
Чей ты сын? Как тебя зовут?
— Ты возьми у меня в гимнастёрке...
Письмецо... Вот, в кармашке... тут.—
Он рукою груди коснулся:
— Там написано все... поймешь.
Ты же видел, что я не струсил?..

...Небо плакало... капал дождь...

На привале раскрыл письмецо я:
«Ты о чем же писал, брат — казах?»
«Я шагаю от боя к бою.
Где мой будет последний шаг —
Я не знаю... но если придется
Мне погибнуть, врагов гоня,
Вы считайте не комсомольцем,
Коммунистом считайте меня!»
Буква к букве строго стояли.
Как бойцы, в боевом строю.

Мой земляк, из сегодняшней дали
Вспоминаю я просьбу твою.
Я стихами ее оглашаю,
И в своей окрыленной судьбе
Не забуду и сердцем знаю,
Что я жизнью обязан тебе.
И еще я припомнил другое:
Был земляк мой душою чист.
И пехотой родной после боя
Похоронен, как коммунист.
Вот в чем сила партии нашей!
Каждый с нею быть вместе рад
В самый трудный час, в самый страшный,
Как погибший казах — солдат.

НЕНАПИСАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

*Памяти партизан
Абдеша Габдулова
и Василия Щербикова*

1

Мой юный, мой друг хороший,
То был твой последний бой.
Ты вражеской пулей скошен,
А я, наклонясь над тобой,
Кровавыми плачу слезами.
Проститься пришла пора.
Гаснет веселое пламя,
И дым улетает с костра.
Будто цветок весенний,
Был нежен и тонок ты.
Но смерть покрывает тенью
Лица молодого черты...
Ты так еще близко! Будто
Со мною... И я молчу:
В прощальные эти минуты
Тебя я слышать хочу!

2

И кажется мне, что снова
Он обращается к нам,

Чтобы заветное слово
Мы передали друзьям:
«В далеком краю степном,
Где ясен небесный свод,
В доме своем родном
Сына старуха ждет.
О сыне думает мать,
Тая тревогу свою.
Ты должен ей рассказать
О том, что я пал в бою.
Что был для врага грозой —
Об этом ты ей скажи;
О жизни моей фронтовой,
О славе моей скажи.
Скажи, что имя отцов
Я трусостью не осквернил:
В ряду удалых бойцов
Я не из последних был;
Скажи, что в огне боев
Я образ ее хранил.

В далеком краю степном,
Где любят, где помнят нас,
В ауле своем родном
Ждет меня карындас¹.
Привет передашь... скажи —
Пусть с мужеством встретит весть.
Моей Карлыгаш скажи —
Долг мести священный есть.
И на дорогу войны,
Чтоб одолеть врага,
Должен выйти ины²,
Если упал ага!³
Не нужно ни слез, ни слов...
Пускай запомнит она:
Черная вражья кровь
Возмездием стать должна!»
Как будто укрылось туманом
Солнце в краю родном.
Казалось, горела рана

---

¹ К а р ы н д а с — младшая сестра.

² Ины — младший брат.

³ Ага — старший брат.

Друга в сердце моем...
Я тело его оставил —
Умолк навсегда джигит.
Я снова свой путь направил
Туда, где битва кипит.
Я знаю: была расплата,
Как боль моя, тяжела,
Отмиценьем за павшего брата
Были вражьи тела!

3

Он никогда не встанет,
И я уже не могу:
Я тоже, товарищ, ранен,
На белом лежу снегу.
Сугроб у меня в изголовье,
И я на нем начертал
Проливой сегодня кровью,
Чем жил и о чем мечтал.
Бесценна земля родная —
Да будет ей слава вовек!..
Как птица, жизнь улетаёт,
Тает, как вешний снег.

О прожитом не жалею —
Жизнь, ты была щедра.
Темнеют снега, темнеют...
Я ухожу. Пора.
Меня вы простите, братья,
Если в чем виноват,
Если грустил некстати,
Если шутил невпопад.
Верю: не зря дремала
Сила в груди моей.
Не зря ее раздавал я
В бурном кипенье дней.
Прими меня, Украина,
Саваном белым укрой,
Как дорогого сына:
Я был в этот час с тобой!
Ты, Украина,— свидетель
Ратных трудов и дел;

Твои, Украина, дети
Знают про паш удел...

Уже замсает вьюга
Постель снеговую мою.
И завещанье друга
Я вам, друзья, отдаю.
Пусть вместе с моими словами,
Вернувшись в родимый дом,
Оно остается с вами
Памятью о былом.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Его мы ждали долго.
Очень долго.
Он нам светил,
Нам виделся вдали
У стен Москвы,
И в блиндажах под Волгой.
И мы к нему,
Победному, пришли.
В весенний благовест
Вливались дружно
И трепет трав,
И щебетанье птах.
Любимая,
Готовься к встрече мужа
В родных,
Ковыльно-пахнущих степях.
Сестра, жди брата.
Я приеду скоро.
Ты не жалея
Для встречных суюнши.
Мой отчий край
Всегда был, как опора,
Бальзамом
Для израненной души.
В боях познал я:
Смертью пахнет порох,
А люди жить хотят
И на войне.

Мой отчий край,
Как ты солдату дорог,
Ты жизнь спасал,
Путь освещая мне.
К победе путь —
Он путь к родному дому.
И я вернулся —
Сын твой и поэт,
Где все — свое,
Все сызмальства знакомо.
И выше счастья
Для солдата нет! `

ПРОСТОР

Опять к тебе
                                 сыновний путь пролег
 Дорогой детства —
                                 лучшей из дорог.
 Пускай ты от меня,
                                 как свет звезды, далек,
 Я — продолжение твое,
 Ты — мой
                                 исток.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Отгорел закат. Смолк колхозный аул.
 Утомленный работой народ заснул.
 А джигит и девушка наедине
 Все гуляют еще при полной луне.

Небеса в полумгле, ночь тиха, бледна,
 Над землей висит, улыбаясь, луна.
 Все овеяно ласковым вестерком,
 Псы молчат в конурах, тишина кругом.

Вот идут они улицей, и джигит
 Что-то девушке говорит, говорит...
 Как смеются они! Как радостно им,
 Веселым таким и таким молодым!

Вот они завернули в зеленый сад,
 На широкой скамейке вдвоем сидят...
 Погляди, как сжимает руку рука,
 И прижалась к девичьей щеке щека!

Оба смолкли.

Тайно делились сердца,
О любви песнь без слов лилась без конца.
Юность волю их побеждала... В саду
Двое были, казалось, в сладком бреду...

И все выше вздымалась страсти волна,
И лукаво глядела на них луна.
И предела, казалось, их счастьем нет,
И сиял в их глазах несказанный свет!

...Я увидел их в поле в утренний час.
Он стоял, она — на комбайн взобралась,
И с улыбкой промолвила мне, что здесь
Тоже счастье их общее, жизнь и песнь!

Я ВЕРИЛ ТЕБЕ

Я верил тебе, как себе самому,
Как совести верят,
Как верят у у.
Так что же случилось?
Откройся, ответь,—
Догадки пусты, ничего не пойму!

Была дорогою мне только одна.
Я думал: навечно подруга дана.
Но ты обманула надежду мою.
Так чья, подскажи ты мне, в этом вина?

Мы оба виновны. И ты не тужи.
Будь прежней и голову выше держи!
Когда-нибудь встретимся в жизни с тобой.
И ты обо всем, что стряслось, расскажи.

* * *

Родная, приветлива ты всегда,
Как солнечный луч, как цветок, как вода.
Вошла ты — и потеснился наш круг:
Ты близкий, ты верный, ты лучший мой друг.

Ты рядом — в душе расцветает весна.
Два сердца заполнила тайна одна.
Как песня неспетая рвется наружу,
Так хочет себя обнаружить она.

Пусть музыка грядет! Родная, танцуй,
Откройся мне, выскажи тайну в движении,
Чтоб в темных глазах твоих, в их выраженьи
Я мог прочесть бы: «Люблю, поцелуй!..»

* * *

Кокчетав, ты меня в колыбели качал,
Уезжал я — скучал ты, домой меня звал.
Я люблю тебя нежно, как малый ребенок,
Не любил бы — отцом бы своим не назвал.

Что ни лето — к тебе возвращаюсь, домой,
Искупаться, поспать на опушке лесной.
Все тепло, что дарил ты мальчишке когда-то,
Возвращаю, с тобою сливаясь душой.

Обойми же покрепче меня, Кокчетав,
Мотылька, что порхает средь зелени трав.
Я к лесным и озерным прислушаюсь песням,
Красоту их мелодии в сердце вобрав.

Кто хоть раз заставлял в Кокчетаве восход,
Кто хоть раз любовался им с горных высот, —
Если сердце — не камень в груди его бьется, —
В нем любовь к Кокчетаву вовек не умрет.

Ты таинствен, задумчив ночью порой.
Город мой, перед сыном все тайны раскрой,
А разлука придет —

ты на грудь приколи мне
Тот цветок, что раскрылся в лесу за горой.

* * *

Зима, поземка,
ветер жгуч, суров.
Сухого снега кое-где покров.

Иду.

Я битый час уже в пути,

Ищу кого-то —

не могу найти.

Вот улица знакомая.

Вот дом —

Учился, рос и возмужал я в нем.

На площади

морозным днем

в пургу

С мальчишками барахтался в снегу...

О если б

повернулись годы вспять,

Чтоб детство, юность

пережить опять

И сотню их тревог,

забот,

забав...

Верни,

верни то время,

Кокчетав!

Позволь тропой забытою пройти,

Посей удачу на моем пути.

РЕБЕНОК

Несравненная радость — ребенка ласкать,
Всех сокровищ земли он милей и светлей.
Словно солнцем, ребенком любитесь мать,
И ей кажется, будто поет соловей.

В полах путаясь, бегая и лепеча,
Он играет в лошадки, игрой увлечен.
Он лепечет — и чище лесного ручья
Серебристого детского голоса звон.

Я с ребенком как будто одно существо.
И когда он играет с лучом золотым,
И когда я к себе прижимаю его,
Пухлощекое, — знаю: весь мир перед ним...

КОЛХОЗНИЦА БИГАЙША

Ой, колхозница Бигайша,
Рано что-то стало смеркаться.
Дорогая моя душа,
Как с тобой мне расстаться.

Ой, колхозница Бигайша,
Сколько качеств в тебе прелестных,
Все ты делаешь не спеша,
А в глазах свет от звезд небесных.

Ой, колхозница Бигайша,
На слова ты скупа порою,
Но богата твоя душа
Шедрой мыслью... Постою со мною.

ЖИЗНЬ

Люблю тебя! И чувств своих не прячу я.
Душа хранит — и тем она права!—
Твои, о жизнь, объятия горячие
И нежность, и медовые слова.

Тебе, о жизнь, и я обязан многим.
Мне тех счастливых дней не сосчитать,
Когда я жеребенком тонконогим
Твое течение пытался обогнать.

Люблю тебя! Люблю душой тоскующей
Рассветов поэментное шитье,
И женщины любимой смех волнующий,
И темные, как ночь, глаза ее.

Придет пора довериться надежде,
Стихи прольются, радостью дыша.
И сердце разволнуется, как прежде,
И, как цветок, раскроется душа.

О, жизнь моя, ты — словно луч в оконце.
Еще не близок мой последний год,
Еще не раз меня согреет солнце
И защитит в дороге от невзгод.

Люблю тебя, иду в твои объятия.
А в том краю, где родина моя,
Живут и ждут меня родные братья —
Моя опора и моя семья.

И стар и млад сильны твоим дыханьем!
Ты любишь их, стоишь за них стеной.
И красота своим существованьем
Обязана, о жизнь, тебе одной.

Земля моя в тревоге долгой мечется,
Но рядом с матерью спокойно спит дитя.
И не имеет права человечество
С тобой расстаться походя, шутя.

О нет и нет! Приму твои напасти,
Но ты продлись, дари тепло и речь.
Пока ты есть, со мной пребудет счастье,
А это значит — мне тебя беречь.

О жизнь моя, красавица земная!
Мир на любви стоит, непоколебим.
И ты меня не обойдешь, я знаю,
Ни добротой, ни мужеством своим.

Люблю тебя! Тебе же длиться, длиться,
Вплетая в вечность нити день за днем.
Покуда жив я, сердце будет биться
Твоей любовью и твоим огнем.

КОМСОМОЛУ

Я у сердца твоего залелеян.
Надо мной твоя звезда горит.
Все, чего добился на земле я,
И тебе равно принадлежит.

Жизнь меня к вершинам возносила,
Но, счастливый, говорю себе —
Крыльями окрепшими и силой
Я обязан, комсомол, тебе.

Кто душою открыт, тот людей не обманет
 И на подлость, фальшиво смеясь, не пойдет.
 Тот, кто совестью чист, подхалимом не станет,
 Перед сильными мира спицы не согнет.

Он в минуту крутую не солжет в оправдание,
 Головою ответит за искренность слов.
 Человек настоящий в любом испытании
 Постоять за себя и за правду готов.

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Дни пройдут и года отшумят, как прибой,
 Постареют товарищи, станут глуше рассветы.
 Красоту Кокчетау, где дружили с тобой,
 Уж не мы воспоем, а другие поэты.

И не нас, а других будет слушать земля,
 И под звонкую песню, забывая о зимах,
 Расцветет карагач, оживут тополя,
 В душу глянут озера, как очи любимых.

Этой милой земли дорогой неуют
 Мы оставим с тобой, растворимся в природе.
 И не мы, а другие о лете споют
 И расскажут о добром и честном народе.

И не мы, а другие отыщут слова
 О загадочных девушках и улыбке таинственной,
 И, медовая, к солнцу пробьется трава
 На любимой земле, дорогой и единственной.

КИНЖАЛ

Нашел солдат заржавленный кинжал.
 Поднял с земли и выхватил из ножен,
 И вспыхнул свет на лезвии, тревожен,
 И сердце воина невольный холод сжал.

Но я-то знал,
                    что день еще не прожит.
Пока я на ногах,
                    пока в пути,
Меся ничто остановить не сможет.

* * *

О родная земля — степи, лес и хребты,
В чистой глади озер свод небес отразился.
И хороший народ — это тоже ведь ты,
Дорогая земля, на которой родился.

Лишь услышу вдали, как поют камыши,
Прочь уходит печаль и на сердце теплеет.
О родная земля, ты — блаженство души,
Ничего нет на свете отчизны милее.

Ничего нет роднее отцовской земли.
Это — гордость моя и любовь, и отрада.
Счастлив я на земле, где поют ковыли,
И не надо другого мне счастья, не надо.

ДВЕ ПЕСНИ

Сначала робко, а потом смелее
В густом саду зацелкал соловей.
И показалось — стало вдруг светлее
В краю степном, на родине моей.

Как много тайны в песне соловьиной!
Но ты послушай — звонче горных струй
Затрепетал над тихою долиной
Рожденный сердцем человека кюй.

И степи все тотчас преобразились,
Заголубели чище небеса,
И, очарованные, песне удивились
И горы, и долины, и леса.

А звуки плыли, землю обнимали,
Как будто бы кипел водоворот.

И звонким песням радостно внимали
Трава и птица, человек и скот.

И даже время вдруг остановилось —
Звенела лишь серебряная нить.
И жесткий ветер гнев сменил на милость,
И солнце стало ласковей светить.

А песня соловьиная взмывала,
И кюй кружил все ближе к небесам.
Теплело сердце, сердце зампрало,
Поверив волшебству и чудесам.

Гудящим струнам вторило свистанье —
Старались и пастух и соловей.
И на земле не это ли старанье
Родило вдруг взаимопониманье
Всего живого, сущего на ней?!

А песни поднимались и, ликуя,
Ты сам уже в людском кругу поешь.
И, внемля звукам радостного кюя,
Взволнованно шумела в поле рожь.

СТИХИ О МОНХ СЫНОВЬЯХ

Я спал и вдруг внезапно пробудился,
Как будто вышел к пропасти на край.
О нет, не сон...

Мне сон тогда не спился,
То песня повелела мне —
вставай!

Она во мне звучала осторожно,
Еще почти не причиняя мук.
Но сердце билось часто и тревожно,
Улавливая отдаленный звук.

О, эта сила, —
вроде бы слепая, —

Она меня толкнула в полумглу.

И, не одевшись,

медленно ступая,
Прошел на ощупь к своему столу.

И я своим настороженным слухом
Таинственную речь его ловлю.

Я в этот край попал совсем случайно —
Сошел с дороги, покружил и вот
Теперь хочу узнать я, что за тайна
Заклучена в стремительности вод.

С волной играют солнечные пятна,
На берегу зажегся желтый смерч.
И стал мне вдруг язык воды понятным
Совсем как человеческая речь.

Смолк ветерок, унял свое старанье,
И замерла прибрежная трава,
И легкие, как сонное дыханье,
Сквозь лепет волн я разобрал слова:

«Что, человек, ты удивлен немного
И хочешь знать, о чем мечта моя?
Так выслушай меня — свою дорогу
Я пробиваю в хлебные края,

Туда, где небо синее, где птицы
Щебечут и играют поутру,
И где мечта, любовь моя — пшеница
Колышется на ласковом ветру.

Прощай, прохожий...» Голубело небо,
Стремил ручей серебряную нить,
Чтобы в конце пути с дыханьем хлеба
Свое дыханье навек соединить.

* * *

Говоришь, что любишь...

Сердцу верить хочется!

Я письмо с вопросами отправлять боюсь.
Жди меня,

тоскуя,

и разлука кончится,

Через год,

любимая,

я к тебе вернусь.

Гляну я в глаза твои и медленно
В глубине таинственной тону.

Пахнет полночь ковылем и мятой,
И, в раздумье голову клоня,
Ты сама не ведаешь — куда ты
За собою увлекла меня.

Не смотри же так... В душе несмелой
Не буди надежд... Над рощей белой
Поднимает крики воронье.
Как бы ты потом не пожалела,
Что сама — того ли ты хотела?!—
Сердце растревожила мое.

Увлекла и, покружив по свету,
В чужедальшем бросила краю.
И ушла... И вот под грохот ветра
Я один над пропастью стою.

ЕСИЛЬ

Облака плывут дорогой вечною,
Белые,
    как первые снега.
И под солнцем полудня отсвечивают
Бархатом зеленым берега.
Ой Есиль — река,
    дитя природы,
Ты вольна,
    тебя не старят годы,
Все тебе на свете нипочем.
Как твои серебряные воды
Хороши под солнечным лучом!
Как они играют и смеются,
Как они играют и смеются,
Как они резвятся на бегу!
Ветром растревоженные,
    гнутся
Ивы на зеленом берегу.
А вода,
    искрясь,
    звенит,
    как гусли,

И качает белых лебедей.
И кричат над берегами гуси,
И кричат над берегами гуси,
Созывая к празднику людей.
Песни лета,

песни птиц и лета —

Я готов их слушать без конца.
Словно бы звучит тихонько флейта,
Словно бы звучит тихонько флейта,
Подпевают флейте деревца.
А река бежит себе, играя,
А река бежит себе, играя,
Полная стремления и сил.
И под лепет волн я напеваю,
И под лепет волн я напеваю,
Славлю и приветствую Есиль.
Над Есилом пролетели годы,
Словно стая белых лебедей.
Сладкие, как мед, речные воды,
Сладкие, как мед, речные воды
Издавна влекли к себе людей.
Люди приходили и селились,
Всем делились —

счастьем и бедой.

Горевали здесь и веселились
Над живой стремительной водой.
К ней от века и навек причастны
Зверь и птица, люди и луга.
Мехом норки радужным и ясным,
Мехом норки радужным и ясным
На заре искрятся берега.
Бьют ключи —

судьбы моей истоки,

И сюда ведут пути мои.
Широки, Есиль, твои притоки,
Широки, Есиль, твои притоки
И звонкоголосы соловьи.

* * *

И хочу,
чтобы ночь не кончалась,
чтобы солнце всходить не спешило.

Их встрече будущей —
навсегда.

* * *

Жизнь прожил — не крал я,
шагал, а не крался,

Следы на земле
оставлять не боялся.

И кто бы ни кинул,
мол, где-то, когда-то...

Взор!
Партия знает меня
как солдата.

Наветы, клеветы...
Пустых обвинений
Солдат не страшится.
Он — вне подозрений.

За черным ли словом
убойная сила,

Коль пуля
навылет прошла —
не сразила?!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Нависли тучи над землей,
И, полыхнув огнем,
Сверкнула молния змеей,
И раскатился гром.

Стремительен воды поток...
Откуда столько сил!
И вот уж бурный ручеек
С другим заговорил...

Потом иссяк поток воды,
Но столько жизни в нем,
Что поле стало молодым,
Умытое дождем.

Мы молча смотрим на поля.
Слова... К чему они?

Богатый урожай земля
Рождает в эти дни.

БАЯН — МОЯ РОДИНА

Бесценный мой Байан, мой край родной!
О, горный и озерный, мой Байан!
Березою поросший и сосной.
Ты, что ковер узорный, мой Байан!

Давно, Байан, тебя я не видал,
И вижу, стал еще нарядней ты.
Колхозы здесь прочнее горных скал.
Казахи здесь не знают пицеты.

Едва огонь зари блеснул с небес,
Я вышел в поле, поглядел кругом,—
Передо мной открылся мир чудес,
Рожденный созидательным трудом.

Шумело морем золото хлебов,
Встречая солнца летнего восход,
И в сердце крепла к родине любовь;
Здесь близицы — природа и народ!

Казалось мне, мираж передо мной.
От красоты захватывало дух.
О, как прекрасен вид страны родной,
Как сказочно-чудесно все вокруг!

Мне под ноги душистый войлок трав
Был пожену послан матерью-землей.
И солнце, в небе ярко запылав,
Все заливало краской золотой...

В прозрачных водах озера Байан
Окрестность вся была отражена.
Как от вина, я был от счастья пьян,
Мечты плеслись, как за волной волна.

Утесы, сосны и вершины гор...
Простор полей колхозных... Отчий дом...

И камыши несут в тиши дозор
Вдоль берегов на озере родном...

Бесценный мой Баян, мой край родной!
Я вырос здесь, я сын твоей земли.
Насыть мой взор своею красотой,
Водой озерной жажду утоли!

РАПОРТУЕТ КАЗАХСТАН

Слушай, Родина, слушай, Москва,
Новой радостной вести слова!
Рапортует тебе Казахстан:
Миллиард в закрома твои сдан!

Встали цифры победной страды,
Словно песня, звонки и стройпы,
В них — бессонные наши труды,
В них — богатство и сила страны.

Как сплотился в работе живой,
Как сроднился народ молодой!
Киев стал здесь соседом с Москвой,
Минск братается с Алма-Атой.

Где ковыль шелестел на ветру —
Там хлеба золотые встают,
Где сурок лишь свистел поутру —
Голоса молодые поют.

Вырастают в степи города,
И, красой своей новой горда,
Шлет навстречу заводам она
Полновесную ношу зерна.

В каждом колосе этих хлебов,
Прогибающих степи хребет,
Есть, Отчизна, народа любовь,
Благодарность тебе и привет.

Сколько слышишь, куда ни ступи,
Новых песен в родимой степи!

А на деле —
не самый лучший.

Что ты дал?

Что народу дал?
Только брал ты — гора из пыли.
Берегись! Как бы ты не пропал,
Не остался один в пустыне.

Ты сияешь подобно луне,
А в душе твоей — мрак могильный.
С кем-то шепчешься наедине,
Создавая видимость силы...

Не смеешься от всей души,
Не спешишь к заветному дому,
А выплескиваешь в тиши
Для себя уголок укропный.

Я не верю в твои слова,
Пусть ты высишься минаретом,
Но душонка твоя крива,
И не можешь ты быть поэтом.

Я — не ты.

Мне твоих речей,
Слов твоих золотых не надо,
Пусть я мал, только мой ручей
Все же доброй веет прохладой.

Только мысли мои вольны,
Выше всякого пустословья,
Я пишу для своей страны
Свои строки
собственной
кровью!

Нет в них тайны
подлых людей,
Что скрываются от народа.
И клянусь я жизнью своей —
Дорога мне эта свобода.

Не завидовал никому,
Не юлил никому в угоду.
Я нищу ему, одному,
Своему родному народу.

* * *

Я прожил полжизни, пожалуй, а вот
Любви не видал из-за дел и забот,
Но ты появилась,— дрогнули руки,
И страсть искривила мучительно рот.

Что это — счастье или беда,
Неужто вот так любили всегда,
Неужто такое могло появиться,
А после уйти, не оставив следа?

* * *

Далекое что-то в душе вороша,
Я вспомнил озера среди камыша,
Мальчишек, гарцующих на хворостинках,—
И воздухом детства дохнула душа.

О память, ты страшною силой сильна,
Ты можешь добыть с потаенного дна
Все, что я видел, все, что я слышал,
И никогда не бываешь полна.

Ты лучшая спутница в дальнем пути,—
Даешь ты минувшее вновь обрести,
И горе и радость ты возвращаешь.
А если порою мне страшно — прости.

* * *

Горит в моем сердце огромное пламя,
Оно не боится ни грома, ни града,
Наверное, небо лизнуть ему надо.
Оно поднимается ввысь языками,
И ближних, и дальних согреть оно радо.

Огонь раздувает не злость, не досада,
А радость любви; от веселого взгляда

Костер разгорается, словно от ветра,
На гибель всего, чему света не надо.

Он греет и жжет, он горит не сгорая,
Весь мир озаряя — от края до края,
И строки стихов поднимает, как знамя,
Горячие губы мои обжигая.

Здесь каждое слово, как уголь горячий,
Берет их на ощупь язык мой незрячий
И в мир выпускает звенящие песни,—
Каким никогда не родиться иначе...

Угаснут закаты, зажгутся рассветы,
Другой станет жизнь, и другими поэты,
И все-таки вспомнит о прадеде кто-то,
Почти позабытою несней согретый.

* * *

Где ты? Где ты, моя мечта?
В небе, что хмурится много лет,
Ты, словно падающая звезда,
Промелькнула — и больше нет.

Но отпечатался твой полет,
Словно на пленке, в моем мозгу.
Отсвет куда-то меня зовет.
Куда? Додуматься не могу.

Казалось — сердце давно как лед,
Но пробился любви цветок
И, всему вопреки, цветет...
Только будет ли в этом прок?

Не знаю, в какую ушла ты тьму,
В каких мирозданиях заперта...
И все же счастлив я, потому
Что у меня есть своя мечта.

Ею, единственной, я живу,—
Может быть, год пройдет или два.
И рядом окажешься наяву
Ты, что пока лишь во мне жива.

Как душе совладать с огнем?
Не залить его, не задуть...
Что ж, попробую петь о нем, —
Это трудный, но верный путь.

ЧЕРНООКАЯ

Вся ты, как легкий ветер,
Живительный ветер весны.
Ты ночами, я верю,
Многим приходишь в сны.

Злой волкодав послушен,
Предан тебе скакун.
Тронешь валун рукою,
И счастлив седой валун.

Встретил тебя я случайно...
В ущелье, у горных круч,
Ты появилась внезапно,
Как утренний, чистый луч.

Был под тобой коньком
Землю лихой аргамак,
Щеки твои пылали
Нежно, как розовый мак.

Я посмотрел на косы.
Их черный-иссиня цвет
Был бархатист и нежен,
Как редкостный самоцвет.

Как черные молнии, вились
Косы у хрупких плеч.
Явилась ты и исчезла,
Как неожиданный смерч...

Звон от копыт серебряных
Эхом прошел в стороне.
Звуком струны натянутой
С вершины вернулся ко мне.

Взгляд приподнял я выше.
И вижу: словно огонь,
В алых лучах рассвета
Пляшет на круче конь.

Сказка ты или легенда?
Судьбы ли моей пророк?
Но я изумленно заметил
В девичьей руке клинок!

Может, ты гор небесных,
Зеленых джайляу страж,
Девушка-воин-ангел,
Или же ты — мираж?

Кто ты? Откуда? Куда ты
Летишь на своем коне?
Может, еще вернешься
И тайну откроешь мне?

И с песней лечу за тобой я,
Тебе посвящая ее,
Нет, ты не только тайна,
Ты — вдохновение мое.

ДВА ДРУГА

Прекрасны вечера в Алма-Ате.
С вершин туманных гор легко течет прохлада.
Березы в первозданной чистоте
Стоят с высотными домами рядом.

Плывет с людским потоком человек.
Он, видно по всему, впервые здесь в столице.
Снешат троллейбусы, звенит девичий смех
Полны добра и света лица, лица...

Рассеянно задумчив пешеход,
В руке потерявший, старый саквояжик.
Кого он ищет и куда идет?
Никто о том не знает и не скажет.

Идет — и все.

Вдруг кто-то из толпы
Его заметил, бросился вдогонку...
Автобус тормознул, взметая пыль,
А человек свернул на остановку...

Сейчас зайдет в автобус.

— Подожди!

Он оглянулся: никого нет рядом.
А кто ж кричал? Да вот он, впереди!
Руками машет возле палисада.

Остановился пешеход. И вдруг
Он бросился кричащему навстречу:
— Сарсен!
— Никита! Здравствуй, старый друг!
— Откуда ты? Дружище-человече!

Не виделись они двенадцать лет,
Четыре года восвали вместе.
Их юность осветил войны холодный свет,
Они прошли от Харькова до Бреста!

Сарсен был рапеп... И — конец боям...
В госпиталях лежал. Отстал от части...
Ну как не позавидовать друзьям?
Такая встреча — истинное счастье!

ТРАКТОРИСТ

Вновь я приехал в свой родной колхоз,
К друзьям по детству, землякам своим.
Иду, как коридором, сквозь прокос
И кланяюсь колосьям золотым.

Прокос в хлебах за окоем ведет,
А трактор я не вижу, он — вдали.
Безоблачен поблекший небосвод,
И странный свет струится от земли.

То ли к дождю, то ль к первым холодам?
Откуда появился этот свет?

Гляжу и вижу: это по полям
Струит медовый луч целинный хлеб.

Валок в прокосе пышен и космат,
Подсушится он малость на ветру,
И в бункера захлещет зернопад...
Да будет пахаря благословенен труд!

Весною степь вспахали к пласту пласт,
Ты, мой земляк, и ты, друг новосел,
Чтоб целина порадовала нас,
Легла душистой булкой на стол.

В разгаре «бабье лето», и теплынь
Висит над нивами. А хлеб хорош!
Попробуй на колосья кенку кинь —
Ты вновь ее, как с вешалки возьмешь

Конец прокоса. Дальше у межи
Я вижу тракториста. Кто же он?
Лицо знакомо.

— Кто же ты, скажи!

— Тулеу я.

— Привет тебе, поклон!

Мой добрый друг, тебя я не узнал!
Схватил меня в объятья старый друг,
И кажется нас ветер целовал,
И за межой расцвел цветами луг.

А сколько лет, а сколько зим прошло?
Не сосчитать ни лет, ни этих зим,
Когда оставив позади свой дом, свое село
На Брянском фронте разошлись мы с ним.

— Тулеу, друг? А что с рукой?

Молчит.

И на лице его я вижу шрам.

— Да, след войны.

— Ты руку подлечи!

— Не раз ее показывал врачам.

Такой ей быть.

Ты лучше приходи

Ко мне домой. Обрадуется мать.

А мы, пока не хлынули дожди,
Спешим скосить пшеницу и убрать.
— Пока валки... Затем и обмолот.
Дружище мой, как встретиться я рад.
Но ждет меня, ты видишь — «полеход»,
Две жатки, трактор — целый агрегат.

Он сел за рычаги. Завел мотор,
Махнул прицепщикам:

— Давай, пошли!

Трудись, солдат, плыви в родной простор
Распахнутой для подвигов земли!

* * *

Земля и небо замирают в страхе,
Блеск молнии, как блеск меча на плахе.
Не разобраться людям в этой свалке,
Трещат на тучах черные рубахи.

Гуляет ветер — зол первооснова,
Он стер с небес остатки голубого,
В крошечной тьме у берега морского
Суда на рифах бьются бестолково.

В разорванном на части черном небе
Нагайки молний полосуют тучи,
И мне, хоть я вовек на небе не был,
Пронзает грудь зигзаг огня летучий.

С тех пор я полон пламенем небесным,
И кровь моя кипит подобно лаве.
Я не рожден, чтоб тлеть в уюте тесном,
Сверкнуть над миром молнией я вправе,
А те, в чьих вялых жилах нет огня,
Пускай живут!..

Подальше от меня.

В КАРАШСКОЙ ДОЛИНЕ

Над ширью Карашской долины
Звездная полночь стоит.

И ветер пылью тополиной
Над спящей землей пылит.

Под кровом полночи звездной
Кровавые крылья костер
Так высоко и грозно
Над травами распростер.

Я брови суровые сдвинул,
Трепещут крылья огня —
И кажется — он не в долине,
А в сердце горит у меня.

Я полон тоски неизвестной,
Кладу я на сердце ладонь.
В душе отзывается песней
Карашской долины огонь.

СИЛЬНЕЙ ВСЕГО

Глубок и темен неба кров,
На мир сошел покой.
И тихо на сердце. И слов
Не надо в час такой.

Лежит простертая в ночи
Степная целина.
И, сном объятая, молчит
И видит сны она.

Еще и жаворонки в лад
Не спели про рассвет,
И стаи уток не летят,
Чертя по небу след.

Их приютила гладь озер
На сонной синеве,
И певчих птиц степной простор
Укрыл в густой траве.

Беззвездна облачная высь,
И тусклая луна
Предупреждает: «Берегись,
Погода неверна!»

А на току всю ночь подряд
Кипит горячий труд.

Упрямо веялки стучат,
И девушки поют.

Горит костер взамен луны —
И снова ночь ярка,
И над комбайном взметены
Половы облака.

И льется, падая на ток,
Отборное зерно.
Поблескивает, как поток,
В огне костра оно.

И гонит тени без следа
Сердце горячий свет,—
Сильней свободного труда
На свете силы нет!

БРАТ, ПРИДИ!

Брат, приходи!

Пусть ты — русский, а я — казах.
Слышишь — русская речь на моих устах.
Ты — опора моя в бессменном труде,
Вечный свет, что сияет в наших глазах!

Брат, приходи!

Наша партия нас зовет,
Вновь на битву за счастье она ведет,
И по зову ее встает молодежь
Всех краев, чтоб идти в трудовой поход!

Пусть все больше будет зерна в закромах,
Пусть мужаем мы, соревнуясь в трудах,
Пусть так много будет пшеницы густой,
Чтоб земля под нею прогнулась в полях!

Брат, приходи!

И пойдем мы вслед за тобой!
Ты палатку раскинь в степи ветровой,
Пусть увидит мир, как богатство творит
Как хлеба растит народ трудовой!

Так входи же почетным гостем в мой дом,
Будь источником счастья в краю родном!

Знай, что каждый казах навсегда твой брат,
Что шагает с тобой он в ряду одном!

Брат, приди!

Ты — зеница моих очей,
Ждут просторы тебя казахстанских полей.
Украинец, русский, казах пропоют
Песнь о дружбе перасторжимой своей!

ВОСПОМИНАНИЕ

Огонь замрет — и вспыхнет вдруг,
Слышась с тишиной,
Печальной песни слабый звук
Не гаснет за спиной.
Так тихо партизан, мой друг,
Поет про край родной...
И снова делает свой круг
Смерть над моею судьбой.
И рвемся мы, врага гоня,
Сквозь ветер огневой,
И смерть весь год, день ото дня
Кружит над головой...
Нет, не забыл я о войне...
Теперь здесь лес шумит,
И сердце в мирной тишине
Взволнованно стучит.

КОМСОМОЛЫЦЫ

Шагаю с веком твердо наравне.
Моя опора — вы, потомки Ленина.
Горжусь, что я в строю, что нужен я стране,
И я в грядущее смотрю уверенно.

Со мною рядом ты, мой комсомол,
Надежда молодая светлой Родины.
Ты — сменщик мой, и то, что я прошел,
Тобою будет по иному пройдено.

Я шел фронтами, шел путем войны,
Во имя мира на земле заращенной,

Чтоб колос спел в просторах целины,
Взлетали в небо новые Гагарины.

Я был солдатом. Ты — на целине,
Ты в космосе, где ум нужны и руки.
Шагаю твердо с веком паравне,
Но все же обгоняют меня внуки.

Они летят за временем вперед,
Они в дерзанных обгоняют время,
И смотрит благосклонно наш народ
На юное, свое родное племя.

Мой комсомол, в грядущее спеши,
Оно прекрасно, словно в небе солнце,
Красивы телом, духом хороши —
Вы, Родины надежда, комсомольцы!

СЛОВО О РОССИИ

Россия!

Братский русский народ!

Прими признанья мои.

Тебе акын сегодня поет

Сокровенную песню любви.

Прими сердечную

песню мою,

Пусть знают друзья и враги —

Я о нашем

единстве пою,

С шагом твоим

сверяю шаги.

Когда народ мой

постигла беда,

Когда терял он

родной свой кров,

К тебе тянулись всегда

Лучшие из умов.

К тебе тянулись

Чокал, Абай,

Ты волновала сердца друзей,
Сегодня мой
                                обновленный край
Верен дружбе твоей.
Мы говорим —
                                навек, навсегда,
Русский народ, с тобой!
Одна нам светит
                                в небе звезда,
Вместе встречали бой.
Едини желанья у нас
                                и слова,
Едини права и мечты,
И ради общего торжества
Наши сердца чисты.
Кто-то хочет
                                накликать беду,
Снова народам
                                грозит войной,
Мы у всей земли на виду
Братской живем семьей.
Ради чьей-то
                                тугой мощны
(Что ей людская кровь),
Нет, никогда не позволим мы
Ужас посеять вновь.
Черные тучи опять плывут
С запада. Где-то там
Снова оружие враги куют,
Вновь угрожая нам.
Родина! Милая Родина — мать
Братской дружбой сильна,
Всякая в мире черная рать
Нам не страшна.
Мирное солнце
                                над нашей землей,
В цвете зеленом холмы,
Верностью нашей,
                                единой семьей
Непобедимы мы.
С русским народом
                                казахский народ
К цели единой идет.

ПОЭМЫ

ЧЕЛОВЕК

Есть много певедомых людям дорог
И песен, которых ты слышать не мог,
И высей, которых никто не достиг,
И дивных, еще ненаписанных книг.

Есть макромиры
и микромиры,
И грубые каменные топоры,
Которыми мир покорял человек
Когда-то,
в медлительный каменный век.

О прошлом сегодня нетрудно забыть,
Свидетелей нет, только дуб,
может быть...

Он стар,
отдохни
у подножья, в тени,
И шепот неясный в душе сохрани.

Мир незавершен,
но даются не всем
Решенья проблем
и зачины поэм,—
Коль хочешь познать человека и жизнь,
Ступай целиною,
дорог не держись.

По чащам,
по скалам,
без пищи и сна
Бреди, спотыкаясь, с темна до темна,—

Есть лето и осень,
                                зима и весна,
И тайны, которым разгадка пужна.
Ты можешь случайно с дороги сойти,
Струхнуть
                                и вернуться назад с полшута,
Но мир ведь не познан...
                                Сквозь слякоть и снег

Иди на вершины,
                                мой брат Человек.
Опасен и тесен жизненный путь,
Приходится каждому горя хлебнуть,
А радости хочешь — борись за нее,
Все, что посеешь, — будет твое.
Друзья мои!
Жизнь —
                                безграничное море,
А я водолаз.
Через радость и горе
Плыву я туда,
                                где ветвисты и алы
Ждут открывателей чудо-кораллы
Сложно,
                                опасно идти в глубину, —
Вода может смять и приплюснуть ко дну,
И скалы, как зубы,
                                и всюду темно,
И ноги хватает вязкое дно.
Но дело по мне, —
                                я до смерти готов
Исследовать ветви багряных кустов,
Ведь где-то меж ними, скромна и тиха,
Скрывается тайна рожденья стиха.
Короткие ночи проходят без сна,
Работа опасна,
                                работа сложна, —
Я должен
                                не просто сплести в кружева,
А смыслом глубоким наполнить слова.
Друзья!
Путь в поэзию дьявольски тесен:
Корплю,
                                а слова не годятся для песен,

Ведь если не вынырнуть в сердце строку,
Все тщетно,

и ты в неоплатном долгу.

Я мучусь,

я жду с озабоченным встречей,

Но что удивляться,

ведь я сумасшедший,

Зовет меня в дали любая трона,

И сердце волнуется любая судьба;

Люблю я и реки, и дикие чащи,

И пенне птиц, и тростник говорящий...

Все, что поит своим соком планета,

Стоит любви

не за то,

так за это.

Но больше всего

люблю я того,

Кто создал мой стих и меня самого,

В долгу у него — человека труда —

Все сущее:

воздух, земля и вода.

Я кровью,

и потом,

и мыслями с ним,

Ему я служу вдохновеньем своим.

А ныне восстал на неправду и тьму —

Он хочет, чтоб солнце сияло ему.

Борьба закаляет упорство и силу,

Сегодня мы прошлому роим могилу,

И мир старины,

хоть упорствует он,

На слом

наступающим днем

обречен.

Он должен исчезнуть,

чего там еще, —

«Куйте железо, пока горячо!»

Пословица эта стара и мудра,

Она говорит:

за работу пора,

Хоть время и трудится пыпче на нас,

Будь проклят

напрасно потраченный час!

Убогий аул,
Захудалый аул,
Он с осени тощій живот подтянул,
Здесь все, как скелеты,
и люди и скот,—
До лета едва второй доживет.

Ниц, как соседи,
оборван и спир
Живет возле края селенья Темпр,
Зайдемте к нему,
он мне друг и родня,

Иначе
обидаются там на меня.
«Кто дома?»
Вот горе,
лишь дети да мать...

Не детское дело огонь раздувать,
Но мать
на кошме

ни жива ни мертва,
Пылает, как уголь, ее голова,
Нет силы рукою коснуться руки..
И дети последние жгут князяки.
Порою в сознание приходит она,
Но явь —
пострашнее бредового сна.

Зовет она близких,
но воет в ответ

Лишь буря..
И вновь начинается бред.

Дети играют,
А мать умирает,
Тучи над домом буран собирает,
И, верю, не будут сниться небеса,
Покуда на крышу не рухнет гроза.
Душа налетевшего ветра темпа,
Он рыщет по крышам пьянее вина;
Здесь мрут —
и прекрасно...

Что думать о том?..
Под страшным нанором шатается дом.
О, если бы горечь и боль неудач

Судьба,
ты черства,
ты жестока, как зверь,—
Ты на руку смерти играешь теперь,
Навек отказалась от жалости ты,
Ты губишь людей,
как срывают цветы...
Сознание угасло, дыханья не слышно,
Она умерла...
Всеблагой и Всевышней,
Явись!
Помоги!..
Ты ведь знаешь —
она
Беспомощным детям, как воздух, пужна,
А дети о смерти не знают.
Невежды,
Счастливы,— без ужаса и без надежды
Живут,
не пытаюсь Вселенной понять,
Все ладно для них,
если рядышком мать.
Неведомы детям ни смерть,
ни страданья,
Ни то, что зима тем суровой, чем ранее,
Ни то, что на свете спокойствия нет,
Ни то, что еще за горами рассвет.
Пришли они в жизнь,
голодны и голы,
Для них широко не накрыли столы,
По каждого мать приложила к соску,
И мир стал подобен ее молоку.
Пу что они знают?
Пу как им понять,
Что губы кусала от голода мать?
И если на «дай!»
отвечают им «нет!»
В их мозг не вмещается
этот ответ.
Они не отстанут,
им хочется есть,
И в этом великая истина есть,—
Ребенок не знает, откуда еда,

Не знает

ни денег,

ни жизни,

ни труда,

Ему непонятны бессилье и стыд,

Но он понимает,

что должен быть сыт.

Да, дети есть дети,

что знают они?

За игры беспечные их не вини,

Секунды последние мечется мать,

А дети играют,

а им не понять...

Душа у ребенка, как храм, высока,

И чистое сердце белей молока,

И мир он своим почитает всегда,

Ни «нет» понимать не желает, ни «да»,

А жизнь так сурова и так тяжела,

Как будто придумана кем-то со зла,

В ней горе, насилье

и греза о чуде,

Неужто такой ее сделали люди?

Ну что же, детишки,

играйте пока,

Что вам до того,

что черны облака,

И ветер, тряся погремушкою грома,

Бушует над крышею вашего дома?

Лишь завтра бездомными станете вы,

И детство уйдет безвозвратно, увы,

И злая судьба без сочувственных фраз

Тяжелое бремя навалит на вас.

Так будьте ж отважны,

так будьте ж сильны,

По нитке над бездной пройти вы должны,

В беде не согнуться,

в труде расцвести...

Играйте...

Лишь завтра пачало пути.

За окнами вост буран, словно пес,

Он снегом до крыши домишко запес,

Все гуще и гуще белесая тьма,

Лютует зима,
                                словно сходит с ума...
А дети уснули,
                                куда им идти?
Хоть нету тепла в материнской груди
И сведен гримасой мучительной рот,
Покуда есть мать,
                                нет на свете сирот.
Но голод мешает спокойному сну,
Вот если бы хлеба,
                                хоть крошку одну...
И дети пытаются мать разбудить,
А мать их не слышит.
                                Оборвана нить.
Тем временем стало и вовсе темно,
Лишь стай снежинок стучатся в окно,
Лишь ветер луженую глотку дерет...
О будущем трудно гадать наперед.
Буря все сильнее,
                                он воет, поет,
От дома до дома пройти не дает,
Со зла выдувает остатки тепла...
Ему безразлично,
                                чья мать умерла...

АЛТАЙ

ВОСПОМИНАНИЕ

Не в надписях хрупких на камне,
На плитах могильных холмов,—
Герои живут между нами
Бессмертной легендой веков.

Хочу я в задуманной песне
Прославить отвагу солдат,
Не все нам герои известны,
Не всем монументы стоят...

Пусть голос мой слабый не в силах
Над всею страной прозвучать,
Бессонная память просила
Рассказ этот скорбный начать.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

I

Веди меня, гневная память,
К началу жестокой войны.
Я вижу палящее пламя
Над летним простором страны.

Я вижу горящие села,
Руины родных городов,
Я вижу в ночах невеселых
Мерцанье трехгранных штыков.

Ночами далекие звезды
Скрывает свинцовая муть,

Гремят каюпадами грозы,
И глаз до утра не сомкнуть,

Развалин мучителен запах,
И прячут огни города...
А танки уходят на запад,
Идут на восток поезда.

Сквозь сумрак лесов, через пашни
В густой металлический град
Под знаменем партии нашей
Идут миллионы солдат!

В стремнине живого потока,
Покинув свой солнечный край,
Сжимая винтовку, с востока
На запад шагает Алтай.

2

Глухая ночь.
Темно.
В окопах
Черна и холодна вода.
А дождь, как в первый день потопа,
Как непрерывная беда!

Лишь иногда порхнет ракета
Над лишней передовой,
И снова мрак...
Незримый, где-то
Таится враг перед тобой.

Затишье — мука перед боем...
Затишье... Лучше уж гроза.
Гнетет молчанье гробовое,
Стучат сердца, блестят глаза.

Спиной к спине в окопе узком
Алтай сидит среди солдат.
Один, склонясь, при свете тусклом
Тяжелый чистит автомат.

Другой в рукав цигарку причет,
Ее любясь огоньком,
Кисет у третьего не начат,
Он призадумался. О ком?

О молодой жене? О детях?
Деревня вспомнилась? Колхоз?
За всю страну боец в ответе
И встанет скоро в полный рост!

— О чем тоска? По дому, что ли?—
Алтай товарища спросил
И встретил взгляд, пронзенный болью.
Солдат цветной кисет раскрыл.

— Смерть за бугром, а дом далече...
Вернусь ли пет в него...
— Ну что ж,
Вернется тот, кто целит метче.
Стреляй верней — домой придешь.
У всех, дружище, думы горьки,
В опасности советский край...

И раскурил щепоть махорки
С бойцом-товарищем Алтай.

3

А дождь потоком льет отвесным,
Как водопад шумящий, льет.
Под утро по окопам тесным
Алтай с проверкою идет.

Отсвечивает синей сталью
Рубец глубокий на виске,
Слегка тревожен взгляд усталый,
Душа в тревоге и тоске...

В окопах холодно и сыро.
Попурившись, бойцы сидят.
Но звонкий голос командира
Уже приободрил солдат.
Сержант рапортовал Алтаю:

— Товарищ лейтенант, мы все
Готовы к бою...

— Знаю, знаю!

Ведь нам не привыкать к грозе.
Не посрамям же нашей чести,
Солдатской славы боевой!

И лейтенант с сержантом вместе
Направились к передовой.

Остановились...

Степь дымится.

Дождь перестал, ползет туман...

Не дрогнет лист, не свистнет птица,
Незрим, безмолвен вражий стан...

...О наша дружба фронтовая!

Тебя пельзя нам забывать.

Ты, словно молния сквозная,

Сверкаешь в памяти опять.

Ты нас вела через болота,

На укрепления врагов,

Ломала вражеские дзоты

Стальной лавиною штыков,

В сырых окопах коченела,

В водоворотах переправ,

Но боевые песни пела,

И страх и смерть в бою поправ!

О наша дружба фронтовая —

Другой подобной не сыскать.

Живи солдатская,

Святая

И незабвенная, как мать!

4

— Сергей,— Алтай промолвил тихо,—

Нам предстоит неравный бой,

Нам нужно драться смело, лихо,

Но только с ясной головой!

Мы отступить назад ни шагу
Не можем. Помни об одном:
Сейчас пужна твоя отвага,
Но не в безумстве удалом.

Опасен будет тот участок,
Что ты атакой должен взять.
И ты возьмешь его... На счастье,
Хочу, Сергей, тебя обнять.

Друзья не любят слов печали,
Друзья не перепоят лжи.
Они друг другу руку сжали
И возвратились в блиндажи.

...Блиндаж.
Бессонница.
Тревожно.
Алтай, задумавшись, молчит.
Сейчас себе признаться можно,
Как все-таки душа болит!

Опять Алтай себе представил
И кровь, и грязь, и дым войны,
Чудовищные переправы,
Невероятные, как сны,
Налет стервятников фашистских,
Атаки паглых, пьяных рот,
Огонь врага артиллерийский,
Тяжелых танков разворот.

Война бросала в гущу боя —
Вставать, ложиться и ползти,
Она не ведала покоя,
Всегда пульсируя в груди.

В Алтае ненависть мужала
В тот незабвенный первый год.
Она под пули поднимала,
Под крик: «Ура!», на клич: «Вперед!»

Но прервались воспоминанья:
Все так же льет холодный дождь.

«Война... народное страдание!
Когда из сердца ты уйдешь?»

Вдруг мысли легкое усилие
Алтая бросило опять
В родной простор, простор России,
Что дорога ему, как мать.

И сразу — сердце легче бьется,
И нет усталости больной.
Он видит —
Огненное солнце
Встает над русской стороной.

«О небо светлое России,
Ведь под тобой родился я.
Ты мне даешь сегодня силы,
Моя любовь,
Моя земля!

И я — солдат из Казахстана —
Клянусь в тяжелый час тебе,
Что до конца не перестану
Тебя отстаивать в борьбе.

И мы оружия не сложим,
Покуда страшный смерч войны
Не будет навсегда отброшен
От нашей солнечной страны.

Мы оградим простор зеленый
От лап фашистского зверья.
Над нами партии знамена,
За нами — Русская земля!»

ГРОЗА

1

Прозрачной лентой невесомой
Над лесом запылся рассвет.
Все в мире стало незнакомым,

Есть тишина —
Покою нет.

Какая ясная погода!
Без туч над полем небосклон.
К Алтаю командиры взводов
Соплишь,
И произносит он:

— Сигнал — зеленая ракета.
Взвывается — бой начать пора.
Пусть наглый враг не взвидит света,
Пусть будет ночь ему с утра.
В бросок стремительный, как выюга,
Идите поднимать людей!—
Ушли.
Алтай глядит на друга:
— Ты помнишь мой наказ, Сергей?..

Вот в небо всплнула ракета,
Надсадно грохнул залпа шквал...
Он воздух ясного рассвета,
И лес, и поле раскачал.

Прицел огня смертельно точен...
— Пора. Вперед!—
Сказал Алтай.
...Бомбардировкой разворочен
Передний край...

Врага окопы ближе, ближе,
Враг опрокинут, сломлен, смят.
Но вдруг...
«Ура» все реже, тише,
Упала наземь цепь солдат.

Атака замерла.
И люди
Лежат плашмя, припав к земле,
И только гневный гром орудий
Звучит все яростней и злей.

Закон сраженья непреклонен,
Закон войны всегда один:

Врага сразит отважный воин,
Но враг над трусом — господин!
И враг тебя в крови утопит,
За трусость отплатив твою,
Рабами сделает в Европе
Твоих детей, твою семью...

Нет! Не пройдут фашистов танки.
И закричал Алтай:
— Сергей!
Встречай «гостей» на левом фланге!
Вернее бей!

Залп из орудий бронебойных,
За взрывом новый, новый взрыв,
И «Фердинанд» громадой черной
Стал, дуло в небо устремив.

Другой на месте закрутился.
На третьем вспыхнула броня.
Он скрежетал, стонал, бесился,
Петлял, ослепший от огня.

Алтай залег у пулемета.
Враги!
Враги со всех сторон.
Он ждет их.

С ледяным расчетом
Для них готовит встречу он.

Кипит за ближним перелеском
Сраженья страдная пора,
Там слышен чей-то голос резкий:
— Вперед, товарищи! Ура!

Орудья стихли,
И зловеща
Нечаянная тишина!
Алтаю слышно.
Робко плещет
В ручье беспечная волна

И как же тягостно мгновенье
Невыносимой тишины!
Но слова диким настулением
Поля и лес потрясены.

2

Рывком фашистская пехота
Вновь продвигается вперед.
Алтай залег у пулемета
И ждет.

Он видит немцев,
Пьяных, сытых...
Они идут полукольцом,
И, подпустив, Алтай разит их
Свинцом.

Но свист снаряда —
И багровой
Алтай на миг окутан мглой.
Привстал и тут же рухнул слова,
Упал на запад головой.

Возникли, словно из тумана,
Минутной тенью перед ним
Седые степи Казахстана
И горы с городом родным.

От острой боли цепenea,
Увидел он в густом дыму
Глаза склоненного Сергея
Сквозь дым приползшего к нему,

— Алтай, Алтай!—
Сергей сказал
И, опустившись на колени,
Тихонько друга приподнял.

Подернутое синей тенью
Спокойно смуглое лицо,
И руки налиты свинцом,
И медленно течет из раны
Грудь обагривающая кровь...

— Алтай, Алтай, ты умер рано —
Как много движется врагов!
Они спускаются с высот,
Они уже
Заходят с тыла...

Но заработал пулемет!
Передних очередь скосила,
И этой очередью длинной
Сергей в унор врага разил...

Вот наши двинулись лавиной --
И враг вторично отступил.

3

Обняв безмолвного Алтая,
Сергей задумчиво сидел.
Затихла схватка боевая,
И дым тяжелый поредел.
Сняло солнце.
В небе сплел
Шли облака повесть куда...

Он губ веселых не раздвинет,
Не улыбнется никогда...
Как ни печален мой рассказ
И как ни горестно на сердце,
На руку брата опереться
Сумест брат в тяжелый час.

Кто одолеет нас в боях,
Когда за жизнь своей отчизны
Не пожалеет русский жизни
И жизни собственной казах?!
* * *

О славе отцовского края
Хотел я в поэме сказать,
О доблестном сердце Алтая,
Которому вечно стучать,—

Стучать в Подмосковье зеленом,
В степях казахстанской земли
И там, где мы славы знамена
Над Прусской землей пронесли!

Пусть голос мой слабый не в силах
Над всю страну прозвучать,
Бессонная память просила
Рассказ этот скорбный начать..

КУЛЯНДА

I

Неприметная, темная юрта бедна.
В стороне от других приютилась она.
Пара тощих овец рядом щиплет траву.
Мать сидит возле юрты, трудясь дотемна.

Хмуρο в щели огромные смотрит пужда.
Родилась в этой юрте, росла Кулянда.
Мало выпало девушке радостных дней,
Неприметно прошли за годами года.

...Кулянда этой ночью уснуть не могла.
Неотступная дума тревожна была.
Будто глыбами лед положили в постель —
Он уносит из тела остатки тепла.

Небосклон посветлел. Занимался рассвет.
Был он в яркие ткани привычно одет.
Проходили над степью, клубясь, облака.
Утро свой посылало природе привет.

Встав с постели тихонько, накинув чапан,
Кулянда вышла из дому. Стлался туман.
Солнце било косыми лучами в лицо,
Плыл вдали торопливо гусей караван.

Окруженная зарослями тальника,
Под высоким обрывом шумела река.
Бушевала потоками темной воды,
Берегов обрывая крутые бока.

Это место зловещим считалось всегда.
Старки, вспоминая былые года,

Говорили, что тот, кто к обрыву придет,
Не вернется обратно в аул никогда...

Кулянда по тропинке к обрыву идет,
Все томит ее, юную душу гнетет.
Разрывается бедное сердце в тоске,
И печальную девушка песню поет.

И мерещится образ волнующий ей.
Шепчет кто-то: «Что с нею, с подругой моей?»
Как магнит, он притягивает к себе,
Очертанья его все ясней и ясней.

Он глядит на нее, полон радости взор,
Он сердечный ведет с Куляндой разговор,
И румянцем у девушки пышет лицо.
Отвечает она. И в словах тех укор.

Кулянда:

— Ты смущаешь меня. Не гляди мне в глаза.
Свою молодость я утопила в слезах.
С колыбели преследует горе меня.
Для других — эта степь и небес бирюза.

И решила я нынче покончить с собой,
Со своей безысходной и горькой судьбой:
Ты, любимый, меня в этот час не тревожь —
В моем сердце погас пламень жизни живой.

Г о л о с:

— Я пришел тебе руку свою протянуть —
Я услышал твой стон, он вошел в мою грудь.
Я сегодня от смерти тебя уведу,
Мы с тобою найдем предназначенный путь.

Я бороться хочу. Силы я берегу.
Как кулана хватает легко на бегу
Шумнокрылый орел, так схвачу я врага.
Осушить твои слезы, поверь мне, смогу!

Дай же руку! Любви я и счастья ищу!
Жизнь отдам за тебя, мне борьба по плечу.

Только с прежней надеждой в глаза мне
взгляни,
Слово только скажи. Я ответа хочу.

Кулянда:

— Слушай, милый! Тебя одного я люблю,
Речи чудные эти душою ловлю.
Стыдно мне, что хотела жизнь оборвать.
Ты прости Кулянду. Я об этом молю!

Ты явился как друг в этот миг, когда я
Вдруг решила тенью порвать бытия.
Ты позвал меня бороться с врагом,—
Я с тобою пойду! Я навеки твоя.

Стихите, слезы мои и уныние прочь!
Отойди от меня, непроглядная ночь!
Я не буду женою Исмета... Помог
Ты, желанный, искус роковой превозмочь..

Встрепенулась, взглянула вокруг Кулянда:
Образ милый исчез, улетел без следа,
Над обрывом она одиноко стоит,
Под обрывом клокочет седая вода.

День уже наступил. Овцы бродят в лугах,
Жизнь повсюду кипит. Весь аул на ногах.
...Где виденье милое? Словно во сне,
Промелькнуло оно, грусть оставив в глазах.

Кулянда, озираясь, с собой говорит:

— Где ты, мой Абикеш? Где ты, славный
джигит?

Ты меня обнимал, прижимая к груди,
Ты со мною сегодня душою был слит,

Словно солнце, ты дал мне свою теплоту,
Взор твой светлым лучом зазывал в высоту,
И я чувствую новые силы в груди —
Окрылил ты, любимый, девичью мечту...

. . . . .
Много лет над рекою маячит обрыв,
Тайны прошлого ветками ивы прикрыв. *

Сколько девушек нежных бросалось с него
В равнодушно kloкочущий пеной разлив!

Здесь погибла Баян. И легенду о ней
Сохранили акыны родимых степей.
Многих темное горе толкало к реке....
И шумит она в ярости мутной своей.

II

У Сырбай от счастья растут два крыла:
Сыпа, первого сына жена родила!
И на праздник гостей созывает Сырбай,
Весть о том по степи полетела, пошла...

Пир Сырбай закагил. Гости ехали, шли.
Поздравленья, подарки везли и несли,
Возле юрты толпится народ. Старики
Про былое рассказы свои повели.

Мудрость блещет в словах. Наставленья дают.
Вспоминая о юности, песни поют.

— Ой; джаксы! ¹— восклицает вокруг
молодежь.—

Так рассказы и песни за сердце берут.

И, сойдясь на кругу, ходят пары борцов,
Пары сильных и смелых степных удалцов.
Каждый хочет соперника наземь свалить,
Каждый в грязь не желает ударить лицом.

Ждут другие джигиты сигнала к борьбе,
Привлекая внимание народа к себе.
Брат Исмета Акпар выделялся из них
Гулким голосом, что не уступит трубе.

Был батыр этот череп. В глазах у него,
Словно вечное пламя, горит торжество.
Он уверенно руки скрестил на груди.
Он стоит, как скала, не боясь никого.

---

¹ Д ж а к с ы — хорошо.

Он, как шапку, противника паземь швырнет.
Он, как гвоздь, его в землю с размаха вобьет.
И никто из джигитов на вызов его
Из толпы не шагнет, не подается вперед.

Будто глыба, батыр, усмехаясь, стоит,
На соперников с гордым презреньем глядит:
Дескать, я без борьбы призь любой получу!
Кем же будет позор после этого смыт?

В это время разгневанный Есепгельды,
Аксакал, крикнул, клок теребя бороды:
— Эпачит, нет у Наймапов¹ такого борца,
Кто бы смог проложить к новой славе следы?

И сородичи пасмурный приняли вид:
Кто за честь, кто за род свой в борьбе постоит?
И увидели все, как вперед из толпы
Вышел, тверд и суров, незнакомый джигит.

Невысок, коренаст этот юноша был,
Но могучую волю в себе он таил,
Он разделся до пояса, снял сапоги
И пошел па противника, полного сил.

Тот па юношу, словно на муху, взглянул.
— Ты откуда, малютка?— И нагло зевнул.—
Я к тебе прикоснусь, и останки — увы!—
Не сумеет собрать твой родимый аул!

Сам себя ты на смерть обрекаешь, юнец,—
Ведь у схватки подобной один лишь конец!
Восвояси отсюда беги поскорей,
Уноси свою голову, чудо-борец!

Сердце юноши гневом паполнилось. Он
По-тигриному бросился — встретил заслон
Из огромнейших рук великана-борца.
Одобрения гул хлынул с разных сторон.

Два соперника встретились. Руки сплелись.
Ловко черный сплач подпаял юношу ввысь
И стремительно бросил па землю его.
Измученная крики в толпе раздалась.

---

¹ Наймапы — один из казахских родов.

На одно лишь мгновение борец молодой
Прикоснулся к траве. Словно мячик тугой,
Он подпрыгнул и на ноги стройные встал,
И опять развернулся пружиной крутой.

Он вертелся, как быстрое веретено.
Он в соперника врос. Стало ясным одно —
Что он мертвою хваткой владеет вполне,
Что степную борьбу изучил он давно.

То броски применяя, то смелый обхват,
Ходят оба борца и вперед и назад.
Ждет исхода борьбы напряженно парод,
Силачей обе стороны криком бодрят.

Неожиданно юноша вскрикнул. И вот
Великана он выжал руками. А тот
Вдруг обмяк. И свободно борец молодой
На лопатки его, развернувшись, кладет.

Победителю люди хвалу воздают.
Окружили. Борцу говорить не дают.
И довольный победою Есенгельды
Подав смелому юноше руку свою.

А потом он сказал:— Абикеш, дорогой!
Мой подарок прими. Он заслужен тобой.
Эту резвую лошадь зовут Акала,
С ней заботы не будешь ты зпать никакой.

Абикеш по-сыновьи обнял старика
И на лошадь взглянул: как стройна и легка!
Хвост и грива шумят, словно шелк на ветру,
Гладит нежно джигит кобылице бока...

III

Год назад Абикеш пас в степи лошадей,
Много дней он провел вдалеке от людей.
Невзначай завернул он однажды в аул —
На манящие зовы вечерних огней.

Вечер был по-особому тих и хорош.
В небе звезды роняли лучистую дрожь.

Абикеш появился. И сразу его
Окружила аульская молодежь.

— Ты наш гость!— говорят.— Веселись,
отдыхай!—

И веселье забило ключом через край.
Неустанно и шутки и песни звучат —
Успевай отвечать, подпевать успевай!

Как степные лисицы, лукавы, нежны,
Ходят девушки рядом, ловки и стройны.
Их серебряный смех, увлекая, звучит,
Рассыпаясь, как звук говорливой волны.

Кто-то подал домбру. И к певучей струне
Абикеш прикоснулся. Запел в тишине.
Взмыл напев, словно птица, кружа над людьми,
Улетел он, казалось, к далекой луне.

Песня то удалялась, то рядом плыла,
То, как ветер, неслась, то задумчиво шла.
Вот совсем она стихла, растаяв вдали,
Словно спрятала песню полночная мгла.

А джигиты и девушки просят певца
Песни новые петь, петь и петь без конца.
И любимую песню запел Абикеш —
И опять покориł молодые сердца.

Раздались голоса:— Ай, искусный певец!
— Ай, как славно поет! Ах, какой молодец!—
Среди девушек тихий пошел шепоток:
— Он к тому же еще и силач и борец!

В это время вмешался безусый джигит:
— Пусть наш гость отдохнет. Пусть в кругу
посидит.

Пусть послушает наши он песни теперь,
Наш аул голосами давно знаменит!

И пошла по рукам, зазвучала домбра,
Каждый пел, как умел, хоть иному игра,
Да и голос порой изменяли. Над ним
Пошутив, говорили:— Учиться пора!..

Вдруг возникла чудесная песня. Она
Всколыхнула у каждого душу до дна.
То, как ветер, порою метался напев,
То звенел и плескался, как в речке волна.

В сердце каждого след оставляя навек,
Эта песнь лабирала широкий разбег.
Властно всех захватила, пленила она,
И молчала толпа, как один человек...

Пела девушка. Пела, как в сказке, опа,
Пела девушка, грустная, словно луна.
Переливы напева стихали, струясь.
И певунья замолкла. Пришла тишина.

Восхищенья вздох над людьми пролетел,
Абикеш, пораженный, безмолвно сидел,
Не мигая, сердечные чувства тая,
И на девушку долго и нежно глядел.

А потом подошел к ней робея. Она
Отвечала ему, но казалась грустна.
Задушевный ои разговор повели —
И джигита встревожила дума одна:

«Почему же тоскою полна Кулянда?
Почему золотые девичьи года
Проклинает она? Что ее тяготит?
Словно счастья ее закатилась звезда...»

IV

Как расцветший степной цветок
На подломленном стебельке,
У родных материнских ног
Ты сидишь, Кулянда, в тоске.

Кулянда:
— Не выпытывай у меня —
Чем больна я, чего хочу.
Словно сотканная из огня,
Льну к тебе, как в степи к ключу.

Но скажи мне: в силах отдать
Свою дочь ты земле сырой?
Ведь с тобою, любимая мать,
Говорит верблюжонок твой!

М а т ь:

— Что с тобою, душа моя?
Кулянда, скажи, что с тобой?
Мне откройся, дум не тая,
Ангелочек безгрешный мой!

Почему о смерти твердишь?
Почему ты не хочешь мне
Все, что в сердце своем таишь,
Здесь поведать наедине?

К у л я н д а:

— Как могу я любить того,
Кто с горбатым верблюдом схож?
Как могу я пойти за него,
Если он вызывает дрожь?

Как могу я рабыней стать?
Быть Исмету верной женой?
Как не плакать и не стонать,
Если он стоит предо мной!

Ты — судья. Ты скажи мне, мать,
Как спасти свою жизнь и честь?
Нет дорог, чтоб уйти, бежать,
Только к смерти дорога есть!..

. . . . .
Чем старуха может помочь
Своей дочери в час такой?
Только черпые, словно почь,
Косы гладит она рукой.

Ведь Исмет и могуч и черств,
Как гадюка, хитер п зол,
Он аулы на сотни верст
В подчиненье себе привел.

М а т ь:

— Я люблю тебя, дочь моя...

Ты открылась сейчас во всем.
И, страданий своих не тая,
Обожгла мне душу огнем.

Не кривила я, дочь, душой,
Не ждала я калым большой.
Ни одной паршивой овцы,
Не взяла я, цветочек мой!

О Исет! Ты заставил нас
Плакать в этот ужасный час.
Ты насилем хочешь взять
Дочь — звезду материнских глаз.

О Исет! Пусть рухнет твой дом,
Пусть охватит его огнем,
Пусть кинжал тебя поразит
Ночью темной в поле глухом!

Пусть заплачет твоя семья!
Пусть тарангул, а вслед змея
Заползут в могилу твою!—
Вот молитва к богу моя!

Дочь опять обнимает мать,
В лоб целует ее опять
И о горьком детстве своем
Начинает вслух вспоминать...

Мать вздохнула. Пусть видит бог,
Как их путь от счастья далек.
О создатель! Ты глух и нем!—
Беднякам ничем не помог.

Слезы матери, как река,
Словно степь, тоска широка.
Небосклон тревожен, багров,
Низко стелются облака.

V

Шум вечерний затих. Ночь над степью плывет,
Спят аулы давно. Только ветер поет.

Абикеш у скалы осадил скакуна,
Быстро спутал его. Притаился и ждет.

То присядет на камень, то вскочит опять,
И начнет по траве с нетерпением шагать.
Где любимая? Что задержало ее?
Никого в темноте не слышать, не видеть.

Звезды в небе лукаво мигают ему,
Будто шепчут: «Тоскливо в степи одному?»
Сердце бьется тревожно, вот-вот из груди
Оно вырвется, ринется в сонную тьму.

Много песен здесь спето сердечных, простых,
Полных горя и радостей наших земных.
Все минуло давно — и не может скала
Рассказать Абикешу о тайнах степных.

Абикеш папряженно глядит в темноту.
Скоро стало светлей: озарив высоту,
Вышел месяц серебряный на небосклон,
И к аулу провел голубую черту...

Встав с постели тихонько, накинув чапан,
Кулянда вышла из дому. Стлался туман.
Страшно девушке ночью в пустынной степи,
Под ногами полынь да колючий бурьян.

Ей мерещится враг... И любой бугорок
Сердце холодом страха сжимает в комок.
Все ей кажется — кто-то ее стережет,
Где-то враг притаился. Он здесь, подалек...

— Кулянда! — Абикеш превратился в порыв.
— Я! — ответила она, на мгновенье застыв.
И на плечи любимого руки свои
Положила, всю радость любви ощутив.

Показалось: всю жизнь так готовы они,
Обнимаясь, стоять. Без оглядки. Одни.
Только б слушать рожденные сердцем слова,
Только б видеть в глазах золотые огни!

Степь молчала. Прилег у скалы ветерок.
И в кустаринке замер листвы говорок.
С неба месяц на юных влюбленных взглянул —
Оторваться от них уже больше не мог.

А б и к е ш:

— Дай мне клятву, родная моя Кулянда,
Завтра почью уехать со мной навсегда.
Тот, кто любит, идет, ничего не боясь,
Что враги нам? Я молод. И ты молода.

К у л я н д а:

— Я с тобою поеду в чужие края.
Я оставлю аул свой, где юность моя,
Словно тень, незаметно куда-то ушла..
Но забыть не смогу вас, родные друзья..

...Возвращается девушка тихо домой.

— Ты откуда, красотка?—

На голос глухой

Кулянда оглянулась. Старуха Жамыш,
Как лиса, за ее появилась спиной.

Знает сердце мое, моя память хранит
Серебристую ночь, скал холодный грапит.
С юных лет я запомнил луну, облака,
Берега над рекой, топот конских копыт.

Вспоминаю я часто родные места:

Беспредельную даль, шепот ветра в кустах,
Чью-то песню, летящую в тихую степь,
И далекой любимой глаза и уста.

VI

Аул просыпается рано.
Лишь солнца лучи из тумана
Над степью пустынной блеснут,
У зеркала девушки жмутся,
Зевают, над чем-то смеются
И черные косы плетут.

Кричат ребятишки спросонок.
Им вторит печально ягненок.

Кряхтят и ворчат старики.
Пылят табуны по дорогам —
И к горным далеким отрогам —
И к берегу шумной реки.

А кони, легки и крылаты,
Осанкой и статью богаты,
Хвостами гоняют слепней.
Хорошие кони степные,
И пегие и вороные!
Нигде нет подобных копей!

. . . . .
С лицом неподвижным и вялым,
Со взглядом пустым и усталым,
Хозяин сидит, словно бог,
И в белую юрту к Исмету
Свободного доступа нету.
Не каждый шагнет за порог.
С короткою шеей багровой,
Он тушею многопудовой
Подмял дорогие ковры.
Он хмурится часто, и злобно
Плюется, и дышит, подобно
Верблюду во время жары.

— Богат ты и славен повсюду!
Ты радости бедному люду
Даришь полновластной рукой...—
И знахарь, на крысу похожий,
Обтянутый дряблою кожей,
Рассказ начинается такой:

— Мне снилось, что в небе высоком,
Как смелый порывистый сокол,
Ты весело, шумно летал.
Семь дней и ночей был крылатым,
По синим небесным палатам
Напиток бессмертья пекал.

И только на землю спустился,—
Из чаши бессмертья напился:
Тебе ее подал аллах.—

Другой ясновидец с поклоном
Сказал:— Хорошо быть влюбленным!
Ты счастлив в сердечных делах.

Мне снился в небесных ты кущах,
В раю среди гурий цветущих,
И каждую ты обнимал...—
Так, медоточивым рассказам,
Теря от радости разум,
Исмет, как ребенок, внимал.

На блюде, расписанном ярко,
Дымится баранина жарко.
Хорош бесбармак богача!
Зачавкали все, поскорее
Хватают куски пожирнее,
Давясь, по-собачьи урча.

Аульные дети к порогу
Прильнули — быть может, немного
Обглоданных бросят костей.
Но просьбы ребячьи и вздохи
Не вымолят жалкие крохи
У жирных хозяев, гостей.

Насытились все. И степенно
Кумыс молодой, белопенный
Льет в чаши сама байбише¹.
Чудесный, пьянящий напиток!
В нем — солнечной силы избыток,
Всегда он и всем по душе.

И вновь подпевалы Исмета
Взялись и про то и про это
Блудливо чесать языки.
Один, от еды разомлевший,
На месте почетном сидевший,
Пот вытер движеньем руки.

— О многом мы здесь говорили,
А все же о главном забыли,

---

¹ Б а й б и ш е — старшая в доме женщина.

Забыли в рассказах своих
О юной прекрасной невесте,
С которою жить будет вместе
Исмет наш — богатый жених.

Чтоб люди не стали злословить,
Пора бы подарки готовить,
А следом и свадьбу справлять!—
И гости вокруг заюлили,
О девушке заговорили:
Такой, мол, нигде не сыскать!

Почувствовав в сердце томленье,
Исмет засопел от волнения:
Ведь слушать приятно, как все
Невесту его восхваляют,
Невесту его воспевают,
Поют о девичьей красе.

И он улыбнулся игриво,
Ответил:— Невеста — не диво!
Давно бы ее я привез,
Да вот байбише все не хочет
И целыми днями стрекочет,
Что я как жених перерос...

— Ну что ж! Поворчит да забудет,—
Помощница новая будет!
Хозяин ведь ты — не она,
Ловить надо птичку быстрее,
Чем раньше, тем будет милее.
Опа для тебя создана!

Покинули гости Исмета.
Хозяин не спал до рассвета.
Душой устремляясь в полет,
Он мысленно был с Куляндюю
(Красивой, такой молодою!),
Что в юрту, как лебедь, всплывет.

Он думал: «Трех жен маловато!
Живу я привольно, богато,
Как в пышном весеннем саду.

С цветка на цветок, как пчела, Δ
Лечу, в этом толк понимая,
Купаясь в пахучем меду».

В дверь кто-то тихонько стучится.
— Жалгас! Соизволил явиться...—
Лениво промолвил Исмет.
Известный проныра аульский,
Жалгас, словно пес караульный,
Был падок на байский обед.

И с м е т:

— Пришел ты по делу какому?

Ж а л г а с:

— Позор! Хоть немедленно — в омут!

И с м е т:

— Что ты патворил, старый черт?

Ж а л г а с:

— О нет! Я, мурза, цевиповец,—

Насунив лохматые брови,

Исмет на Жалгаса идет.

Ж а л г а с:

— Жена моя за Куляндю

Следила ночью порою...

А я, признаюсь, проглядел...

И с м е т:

— Скорей говори, окаянный!

Торчишь словно столб деревянный,

От страха совсем ошалел.

Ж а л г а с:

— Послушай правдивое слово:

Жива Кулянда и здорова.

Но должен я правду сказать:

Они с Абикешем встречались,

Они на рассвете расстались,

Чтоб ночью сегодня бежать!

За ними жена проследила,

Она по пятам их ходила

И тайну подслушала их.. .

Исмет, словно лошадь, затопал,
Ладовыми громко захопал,
Сзывает джигитов своих.

Акпар и джигиты заходят
(Брат ими давно верховодит).

И с м е т:

— Акпар, выполняй мой приказ,
Людей захвати ты в подмогу!
И быстро, немедля — в дорогу!
Вам выйдет навстречу Жалгас.
Поедете тихо, джигиты,
Туда, где скалою прикрытый
Разросся кустарник густой.
Схоронитесь там у оврага.
Возьмите мальчишку-бродягу
С девочкой его — Куляндой.

Акпар ухмыльнулся: «Потешу
Теперь я себя — Абикишу
Сумею за все отомстить».
(В борьбе пораженца не мог он
Забить и джигиту простить!)

— Седлать лошадей! — приказал он
И первым к седлу привязал он
Дубинку. И следом за ним
Джигиты его поскакали
В степные широкие дали
По вольным дорогам степным.

VII

Чернел у подножья Буглы
Табунщиков старый шалаш.
Он в дымке предутренней мглы
Маячил, как дальний мираж.

Два всадника едут спеша.
Недолог до пастбища путь.
Скорей бы в уют шалаша —
До вечера там отдохнуть.

А кони, на отдых стремясь,
Сердито грызут удила.
Под утренним солнцем дымясь,
Бескрайняя степь залегла.

Стада на равнине пасут.
Росою покрыта трава.
Веселые птицы поют.
Бездонна небес спинева.

. . . . .
— Мы дома!— сказал Абикиш.—
Давай, друг Сейтен, отдохнем!
Вот мясо. Побольше нарежь.
По чашкам айран разольем.

Табуицики пьют и едят,
Прохладою утра дыша,
О разных делах говорят
В тени своего шалаша.

Сейтен:
— С тобою сейчас мы одни,
Скажи, Абикиш, не таи:
Ты стал молчалив в эти дни —
Знать, думы тревожны твои?

Абикиш:
— Сейтен! Я люблю Кулянду.
Я счастье нашел в Кулянде.
Другой я такой не найду,
Мой друг, никогда и нигде.

Но встал на дороге Исмет
С проклятым богатством своим.
Иного мне выхода нет,
Как с краем проститься родным.

Сегодня мы ночью тайком
Задумали с нею бежать.
Что ждет нас? Не знаю о том,
Не буду об этом гадать.

Сейтеп:

— А если сумеет Исмет
Настичь вас в степи и схватить?

Абикеш:

— Тогда ты, Сейтеп, мой совет
Запомни, чтоб мне удружить.

В ауле не раз ты бывал,
В ауле моей Кулянды;
Живет там старик аксакал
По имени Есенгельды.

Он в горе, в несчастье большом
Поможет любому из нас.
Так помни всегда ты о нем,
Мой верный, надежный жолдас! ¹

. . . . .
Играет над степью закат.
Вишневые краски вдали
Плывут, угасая, горят
За краем широким земли.

Свою Акалу оседлав,
Решительный, верный мечте,
В раздолье ветра и трав
Летит Абикеш к Кулянде.

Сейтеп, табунщик и шалаш
Не малят джигита назад...
Чем встретишь, что юноше дашь,
Зовущий огнями закат?

VIII

Прошла по родимым местам Кулянда,
Их память ее сохранит навсегда.
Куда бы она свой ни кинула взор,—
Повсюду любимый простор.
Тут воду брала, там вечерней порой
Подружек своих увлекала игрой.

---

¹ Жолдас — товарищ.

А здесь собирала весною цветы
И им поверяла мечты.

Как дорого все это, близко душе!
В ауле бы жить да в любви хорошеть...
У девушки катятся слезы из глаз.
Как грустен прощания час!

Уж солнце садится за дальней горой,
Приходят в аул тишина и покой.
Лишь лают собаки тревожно во мгле.
Сон бродит по тихой земле...

* * *

Дремала мирно степь, травой шурша.
Из юрты вышла Кулянда спеша.
Она бежит, не зная легких ног,
И знает сердце: милый педалек.

Порою озирается вокруг —
Ее пугает каждый порох, звук.

Уже вдали виднеется утес —
Утес любви, надежды, сладких слез.

К нему, как птица, рвется Кулянда.
Но кто сказал ей грозное:— Куда?

Куда спешишь, красотка? Не уйдешь!—
И Кулянду охватывает дрожь.

Бежать, бежать, собрав остаток сил!..
Напавший крепко руки ей скрутил.

— Мой Абикеш! О, где ты, милый, где ж?—
И вырос перед ними Абикеш.

«Акпар!»— Он сразу педруга узпал
И ловко в грудь его всадил кинжал.

Он к Кулянде бросается.. Скорей
Добраться б до оседланных копей!

Но из кустов, как волки, на него
Пошли — десяток против одного.

У каждого в руках дубинка. Что ж!
Дорогу, может быть, расчистит нож!

И вот еще один в ногах хрипит.
Дубинку взяв, выходит в бой джигит.

Еще двоих свалил ударом с пог,
Но сам в неравной схватке изнемог...

Насели... Наваясь, жестоко бьют.
Скрутили руки. Смяли. И везут...

IX

Заря занялась золотая.
И ветер, с реки пролегая,
Аул по пути разбудил.
Пригнали на пастбище стадо —
Туда, где кустарник оградой
Высокий утес окружил.

Пастух присмотрелся и замер.
И снова окинул глазами
На травах кровавый узор,
Дубинок сухие обломки...
И голосом диким и громким
Степной огласил он простор.

Он кинулся в страхе обратно.
Поведал поспешно, невнятно,
О том, что в степи увидал.
И жители, разноголосно
Крича, устремились к утесу...
И каждый застыл, где стоял,—

Над местом, окрашенным ало,
Над травами, сникшими вяло,
Над ямками конских копыт.
И стало все ясно для многих,
И люди твердили в тревоге:
— Сражался здесь пеший джигит!

— Вот тут он свалился на травы...
— А вот цепочкой кровавой
На запад уходит тропа.
— Тут билось двенадцать... конных...
С одним удальдом непреклонным,
С батыром!— решила толпа...

Х

Ночь тиха. Даль туманом клубится...
Абикешу в неволе не спится.
Он в овчарне томится с утра.
Ноги скованы накрепко цепью...
«Ах, сейчас бы широкою степью
Проскакать на коне, как вчера!

С Куляндюю бок о бок скакать бы
В ожидании радостной свадьбы...»
Но поймали, скрутили враги.
Вместо милой — глухая темница.
Кровь по каплям из раны сочится,
И в глазах воспаленных — круги.

Хоть бы солнце разок заглянуло!
Хоть бы звездочка в небе блеснула!
И все думает он об одном:
«Где любимая? Что с Куляндюю?
Как узнать и какою ценою,
Сидя здесь за пудовым замком?»

По любимой своей изнывая,
Ненавистных врагов проклиная,
Абикеш налегает на дверь.
Дверь крепка. Не пробьешь кулаками...
«Ах, кому и какими словами
О несчастье расскажешь теперь?!»

Ярость черная душит Исмета.
Мертв Акпар. Что ж, ответят за это
Абикеш с Куляндюю на днях.
Смотрит бай злее тучи свинцовой,
К преступленью, к убийству готовый.
Ходят молнии в хищных глазах.

А мулла и ходжи неусташно
Все колдуют, склоняясь над коралом.
Не вступая ни с кем в разговор,
Бай сидит, усмехаясь зловеще:
Абикеш с Куляндой затрепещут,
Как услышат его приговор!

— Закопать их живьем!— просят гости.
— На куски разорвать, чтобы кости,
Только кости остались одни!
— Их к хвостам лошадей привязать бы,
Чтоб забыли, поганцы, про свадьбу,
Волочась через кочки и пни..

— Черный Крот! Приведи-ка скорее
Из овчарни убийцу, злодея!—
Молвил вдруг, приподнявшись, Исмет,
Черный Крот — одноглазый уродец —
С места взял, как лихой сноходец,
Не промолвив ни слова в ответ.
И, зажмурясь от яркого света,
Входит в юрту невольник Исмета.

Смело он перед баем стоит.
— Ну-ка руки потуже стяните!—
Кровь волной заходила в джигите,
Гордо баю джигит говорит:

— Как поступишь со мною — не знаю.
Но тебе я, проклятый, желаю:
Пусть рубцы, что на теле моем,
Будут жечь тебя даже в могиле...
Если ж вновь подвигусь в своей силе,
Я пробью твое сердце копьем!

— Эй, вы! Взять его, взять его в плети!
Нет такому пощады на свете.
Бейте так, чтоб язык прикусил!—
Абикеш стиснул зубы. Но взглядом
Жжет Исмета, стоящего рядом,
Полон нечеловеческих сил!

— Пусть узнает повсюду народ —
Завтра праведный суд совершится:
Попсудт наказанье убийцы,
Смерть обоих жестокая ждет!..

И Есенгельды — друг — этой вестью
Был сражен. С аксакалами вместе
Все же принял решение старик,
Он джигитов собрал. И сурово
Произнес свое мудрое слово,
Мыслью в каждое сердце проник.

— Все вы знаете: в жизни немало
Испытал я. Мне горя хватало
В дни, когда я чужие стада
Охранял за пустую похлебку,
Исходил все дороги и тропки —
От беды не ушел никуда.

Сын мой вырос, и вместе с пародом
Он подиляся, чтоб нашим невздам
Был положен конец. И погиб.
Так ответьте же мне, о джигиты:
Вы в набег против бая открыто
Вместе выступить завтра смогли б?

Загудел весь аул:— Мы готовы!
— Мы собьем с Абикиша оковы!
— Мы его с Куляндюю спасем!
— Мы проучим Исмета-злодея!
— Кровь свою отдадим, не жалея,
Но друзьям нашим волю вернем!

— Хорошо!— аксакал им ответил.
Взгляд его стал и ясен и светел.—
Завтра утром, лишь вспыхнет восход,
Вы помчитесь к аулу Исмета.
Я во всем помогу вам советом...
Пусть удачным ваш будет поход!

По дорогам, широким и желтым,
 Отовсюду народные толпы
 К месту казни потоками шли.
 Так вода в половодье весною
 Прибывает, бурлящей волною
 Поглощая просторы земли.

Озираясь вокруг то и дело,
 Волоча свое жирное тело,
 В окруженьи джигитов и мулл
 Бай поднялся на холм. И оттуда,
 Подавая сигнал к самосуду,
 Он поспешно рукою махнул.

И ведут Кулянду с Абикешем...
 Тесно сгрудились конный и пеший,
 Чтоб на пленников бедных взглянуть.
 Тихий ропот в толпе прокатился.

Чей-то крик состраданья взвился,
 Чья-то сабля успела сверкнуть...
 Важно вышел мулла. И гнусаво
 Затянул:
 — На священное право
 Посягать не дано никому.

Ты, табунщик, невесту Исмета
 Увезти хотел... И за это —
 Поплатиться тебе самому.

Вы батыра Акпара убили...
 Вас на месте обоих схватили.
 Наказать решено вас...
 Живьем,
 Как собак, закопаем в могилу,
 Чтобы помнили вечно о том...

Абикеш тихо голову поднял
 И сказал:
 — С Куляндою сегодня
 Суждено мне расстаться навек.
 Пусть мечтам и надеждам не сбыться!

Но позвольте с невестой проститься,
Ты ведь тоже, мулла, человек!

Загудела толпа испугленно:

— Дать проститься!

— То — воля закона!

Бай с тревогой глядит на народ.
Он кивнул головой. И к невесте,
Неподвижно застывшей на месте,
Абикеш торопливо идет.

Обнялись они — словно застыли,
Обо всем в этот миг позабыли.
— Хватит! Хватит! — промолвил палач.
Поцелуем последним, прощальным
Подведен счет минутам печальным.
Только девушки слышится плач.

— Плачь, любимая! Плачь, дорогая! —
Кулянду горячо обнимая,
Так сказал ей, прощаясь, джигит. —
Нам, как птицам, подрезали крылья,
Нашу радость камнями побили,
Но любовь в нашем сердце горит.

Абикеша глазами лаская,
Говорит Кулянда:
— Умирая,
Радость нашей любви сохраним!
Пусть другие у свежей могилы
Будут черпать и волю и силы,
Веря чувствам сердечным своим,

Люди, люди! Вы скоро поймете,
Что неправы, что плохо живете...
Где ты, моя нежная мать?
Дорогая моя, золотая,
Жизнь прожившая, счастья не зная,
Как тебя я хотела б обнять!..

Вдох глубокий прошел над толпою,
Над далекою горной грядою
Солнце спряталось в тучу. И день

Потерял свои краски... Могила
Пастью черной глядела уныло,
Словно смерти нависнувшей тень.

Гонят байские слуги влюбленных,
На жестокую казнь осужденных,
Холод смерти им веет в лицо...
Но какая же грозная сила
Вдруг ударом одним поразила,
Палачей разрубила кольцо?

Сорок конных джигитов, к могиле
Подскакав, осужденных схватили,
В седла вскинули их... И народ
Путь открыл им, как будто подкову
Разломил и спаял ее снова...
Только пыль пад дорогой встает...

. . . . .
Мчатся всадники легкой цепью
Неоглядной, распахнутой степью,
С миром вольным ведут разговор...
Гул приветствий летит по аулу,
Руки мать к Кулянде протянула,
И слезами туманится взор.

Круг друзей и широк и надежен.
В нем любой от беды отгорожен.
И глядят Абикиш с Куляндой,
Словно дети, в простор поднебесный.
Полный света и дружбы чудесной,
И взаимной любви молодой.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт, пришедший с войны. *А. Жовтис* 5

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Стихи мои. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	12
Утро и человек. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	13
Май. <i>Перевела В. Тушинова</i>	14
Именем Ленина. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	15
Летняя картина. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	18
Клятва сироты. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	18
Толгау. <i>Перевел А. Хазин</i>	19
Жизнь прекрасна. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	21
Ленинское солнце. <i>Перевел А. Семенов</i>	21
Жеребенок. <i>Перевел П. Шубин</i>	22
Кузнец. <i>Перевел М. Соболев</i>	23
Родник. <i>Перевел В. Смирнов</i>	24
Ленин. <i>Перевел В. Смирнов</i>	25
Горький. <i>Перевел В. Смирнов</i>	26
Воспоминания детства. <i>Перевел Г. Ярославцев</i>	28
Бахыт. <i>Перевел А. Жовтис</i>	30
Младший брат. <i>Перевел В. Смирнов</i>	32
Гульзада. <i>Перевел В. Смирнов</i>	33
Лагерная песня. <i>Перевела В. Тушинова</i>	34
Весна. <i>Перевел А. Сендык</i>	34
«Весна в степи благоухающая»... <i>Перевел В. Смирнов</i>	35
Калмакан. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	36
Клятва. <i>Перевел В. Смирнов</i>	36
Другу поэту. <i>Перевел Г. Ярославцев</i>	38
Девушка-казашка. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	39
Колхозная почва. <i>Перевел В. Смирнов</i>	40
Две ночи. <i>Перевел В. Смирнов</i>	42
Жанак. <i>Перевел П. Железнов</i>	43

ЛИНИЯ ФРОНТА

Будет сверкать настоящее золото... <i>Перевел Г. Кругляков</i>	50
Слово война. <i>Перевел Г. Кругляков</i>	50

Помню тебя, река Айдар. Перевел А. Гатов . . .	53
Здравствуй, Киев! Перевел А. Жовтис	54
Смотрел солдат на Днепр. Перевел Л. Озеров .	54
Пленные. Перевел А. Жовтис	55
Дочь России. Перевел О. Мушиц	56
Встреча на фронте. Перевел Г. Кругляков . . .	57
Из «Песен раненого партизана». Перевели И. Шубин и А. Никольская	58
Бойсь слабому духом. Перевел А. Жовтис . . .	60
Донец. Перевел А. Ойслендер	60
«Не чернилами, а кровью...» Перевел А. Сендык	61
Песня дружбы. Перевел Г. Кругляков	62
«Боец-партизан, ты далек»... Перевела А. Ни- кольская	62
В самый трудный час. Перевел В. Смирнов . .	62
Ненаписанное завещание. Перевел А. Жовтис .	64
День Победы. Перевел В. Смирнов	67

ПРОСТОР

Аул. Перевел В. Смирнов	72
Однажды ночью. Перевел Э. Левонтий	72
Я верил тебе. Перевел В. Антонов	73
«Родная, приветлива ты всегда»... Перевел Г. Ярославцев	73
«Кокчетав, ты меня в колыбели качал»... Пере- вел Г. Ярославцев	74
«Зима, поэмка...». Перевел Г. Ярославцев . . .	74
Ребенок. Перевел Г. Ярославцев	75
Колхозница Бигайша. Перевел Г. Кругляков . .	76
Жизнь. Перевел О. Постников	76
Комсомолу. Перевел О. Постников	77
«Кто душою открыт...» Перевел О. Постников .	78
Разговор с другом. Перевел О. Постников . . .	78
Кинжал. Перевел О. Постников	78
«Метелью белой заметает путь» Перевел О. Пост- ников	79
«О родная земля...» Перевел О. Постников . . .	80
Две песни. Перевел О. Постников	80
Стихи о моих сыновьях. Перевел О. Постников .	81
Тайна степного ручья. Перевел О. Постников . .	83
«Говоришь, что любишь». Перевел О. Постников	84
«Гульсара». Перевел О. Постников	85
«Сердце — не железо, дорогая...» Перевел О. По- стников	85
Есиль. Перевел О. Постников	
«Я хочу, чтобы почь не кончалась»... Перевел О. Постников	8
Лето. Перевел О. Постников	88
Едиль. Перевел О. Постников	88
Прошлым летом. Перевел Г. Ярославцев	89
«Жизнь прожил — не крад я». Перевел Г. Яро- славцев	91

Летний дождь. Перевел О. Мухин	91
Баян — моя Родина. Перевел П. Шубин	92
Рапортует Казахстан! Перевел К. Гусев	93
Гора и человек. Перевел И. Законов	94
Себялюбцу. Перевел А. Сендык	95
Ты и я. Перевел Г. Кружляков	95
«Я прожил полжизни»... Перевел А. Сендык	97
«Далекое что-то в душе вороша». Перевел А. Сендык	97
«Горит в моем сердце...» Перевел А. Сендык	97
«Где ты? Где ты, моя мечта?» Перевел А. Сендык	98
Черноокая. Перевел В. Смирнов	99
Два друга. Перевел В. Смирнов	100
Тракторист. Перевел В. Смирнов	101
«Земля и небо замирают в страхе...» Перевел А. Сендык:	103
В Карашской долине. Перевел А. Семенов	103
Сильней всего. Перевел М. Соболев	104
Брат, приходи! Перевел Э. Левонгин	105
Воспоминание. Перевел А. Жовтис	106
Комсомольцы. Перевел В. Смирнов	106
Слово о России. Перевел Г. Кружляков	107

ПОЭМЫ

Человек. Перевел А. Сендык	110
Алтай. Перевели А. Семенов и В. Антонов	119
Кулянда. Перевел Н. Титов	130

Жумагали Саин

ИЗБРАННОЕ

Редактор *О. Жапайдаров*
Художник *Н. Нурмухамбетов*
Худож. редактор *Б. Маширапов*
Техн. редактор *В. Юрьева*
Корректор *Ш. Мукажанова*

ИБ 2236

Сдано в набор 07.02.83. Подписано в печать 08.06.83.
Формат 84×90¹/₃₂. Бумага мелованная. Обыкновенная новая
гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 5000 экз. Заказ 334. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КИТАП» Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.